

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

L soc 3975. 20

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

GIFT OF
THE UNIVERSITY

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
THE UNIVERSITY OF KAZAN
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПО

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ.

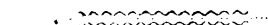
1884 годъ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1885.

**СТАТЬИ, ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ УЧЕНЫХЪ ЗАПИСКАХЪ ПО ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ. ЗА 1884 ГОДЪ.**

1. Отъ редакціи. Д. А. Корсакова. I — V
2. Отношеніе Венеціи къ городскимъ общинамъ Далма-
ціи съ 1358 до 1573 г. И. Н. Смирнова 1—244.
3. 1-я Сатира Ювенала (введеніе, текстъ воріанты и ком-
ментаріи) Д. И. Нагуевского 245—308.
4. Къ изслѣдованію о «Великомъ Зерцалѣ». П. В. Вла-
димірова. 309—382.

КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ
О
„ВЕЛИКОМЪ ЗЕРЦАЛѢ“.

И. В. Владимірова.

Желая исправить и дополнить изслѣдованіе о „Великомъ Зерцалѣ“ (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1883 г., кн. 2 и 3 и отдѣльно—„Великое Зерцало“, изъ исторіи русской переводной литературы XVII-го вѣка Москва. 1884 г.), я предпослалъ по-страничнымъ поправкамъ и дополненіямъ (см. II гл.) взглядъ на русскія повѣствовательныя произведенія XVII-го вѣка, переведенныя съ польскаго языка. Этотъ взглядъ, (I-я глава), можетъ дополнить введеніе къ изслѣдованію и отвѣтить на недостаточно выясненный въ изслѣдованіи вопросъ объ отношеніи „Великаго Зеркала“ къ переводной литературѣ XVII—XVIII вв.

П. Владиміровъ.

5-го Ноября 1884 г.

г. Екатеринбургъ.

I.

Русскія повѣствовательныя произведенія XVII-го вѣка, переведенныя съ польскаго языка.—Духовныя повѣсти, новѣсти смѣхотворныя и рыцарскіе романы.—Продолженіе польскаго вліянія въ русской литературѣ XVIII вѣка.

XVII вѣкъ, особенно вторая половина его, въ исторіи русской литературы характеризуется богатством переводовъ на русскій языкъ, — т. е. „славено-россійскій“ (смѣсь церковно-славянскаго съ русскими и иностранными выраженіями), съ языковъ польскаго, южнорусскаго, латинскаго и нѣмецкаго.

Переводы эти относятся къ области религіозныхъ, научныхъ (по исторіи, географіи, медицинѣ, ариметикѣ, грамматикѣ) и чисто литературныхъ, повѣствовательныхъ и драматическихъ, произведеній, такихъ произведеній, которыя были достояніемъ не только западно-европейской народной словесности, но и отчасти достояніемъ образованнаго общества Европы.

Многія изъ этихъ произведеній составляли совершенную новостъ для русской литературы, для русскаго общества. Таковы, прежде всего, драматическія произведенія, затѣмъ смѣхотворныя, веселыя повѣсти и рыцарскіе романы. Въ древне-русскомъ обществѣ, въ древне-русской литературѣ до второй половины XVII-го в. театръ не допускался, какъ „бѣсовская потѣха“, не допускался и „смѣхъ, шутка“; представителямъ того и другаго (скоморохамъ и смѣхотворцамъ, глумотворцамъ) грозили адскія мученія. Духовные стихи о страшномъ судѣ помѣщаютъ „смѣхотворцевъ“ съ ворами, съ разбойниками, муки имъ готовятся „паче властей немилостивыхъ и судей неправедныхъ“, или, по другому стиху, — „смѣхотворцы и глумословцы отидуть въ вѣчный неутѣшимый плачь“. За „смѣхъ“,

по стариннымъ требникамъ, полагалась эпитимія. Такому же преслѣдованію подвергалось все, что относилось къ пляскѣ и пѣснѣ. Въ древнерусской литературѣ не было мѣста, за немногими исключеніями (напр. „Слово о Полку Игоревѣ“), и рыцарскому роману, потому что въ древнерусской жизни женщина не могла играть такой роли, какую она играла на западѣ въ эпоху рыцарства. Любовь къ женщинѣ, воспѣваемая въ рыцарской поэзіи, съ точки зрѣнія древнерусской морали, могла быть только — „грѣшной плотской утѣхой“, точно также какъ подвиги и приключенія рыцаря—проявленіями грѣшной мірской силы.

Въ срединіи періодъ русской литературы, т. н. московскій, до второй половины XVII-го в., потребности въ повѣствовательной литературѣ, удовлетворявшей требованіямъ мірскаго, незапретнаго развлеченія, отвѣчали немногія повѣсти баснословнаго и историческаго содержанія, перешедшія въ русскую литературу черезъ византійско-славянскій югъ. Но и эти повѣсти (объ Александрѣ Великомъ, объ Акирѣ Премудромъ, Девгенѣ Акритѣ, о Вавилонскомъ царствѣ, о Соломонѣ и Китоврасѣ и пр., относившіяся по основнымъ сюжетамъ къ древнеклассическимъ, восточнымъ и собственно средневѣковымъ византійскимъ сказаніямъ, окрашены были христіанско-нравоучительнымъ направленіемъ. Это направленіе поддерживала обширная литература житій и чудесъ, среди которыхъ нерѣдко попадались точно такія же передѣлки восточныхъ и средневѣковыхъ сюжетовъ, какія представлялись и въ большихъ переводныхъ повѣстяхъ. Такія передѣлки и относятся собственно къ древнерусской повѣствовательной литературѣ, связанной съ народными легендами и духовными стихами. Новые переводы XVII-го в. обогатили русскую литературу и въ отношеніи религиозныхъ повѣстей, особенно въ легендарномъ стилѣ; отсюда — новые элементы въ русскихъ народныхъ легендахъ и въ духовныхъ стихахъ.

Интересно различіе въ самыхъ названіяхъ древнерусской повѣствовательной литературы. До XVII-го вѣка господствуютъ „сказанія“ (объ Акирѣ, о Вавилонскомъ царствѣ, объ Индіи богатой; русскія лѣтописныя сказанія), „слова“ (о Басаргѣ, о 12 снахъ Мамера; Слово о Полку Игоревѣ); въ XVII в. являются „повѣсти“, не только „страшныя, ужасныя, душеполезныя“, но и „утѣшныя“ ве-

селия „смѣхотворныя“, „приклады, прилоги“ къ жизни свѣтскаго челоука.

Отношенія русскаго народа къ образованному міру западной Европы поучительнѣ всего представляются въ переводныхъ произведеніяхъ, въ ихъ литературной исторіи. Даже во второй половинѣ XVII го в., когда въ московской придворной средѣ особенно стремится къ сближенію съ западной Европой, отношенія эти робки и незначительны. Русская переводная литература XVII-го в. преимущественно относится къ области средневѣковой литературы; переводится то, что въ Европѣ успѣло уже спуститься въ народъ. Правда, тоже произойдетъ скоро и въ русской литературѣ, когда съ Петра В. завяжутся непосредственныя отношенія съ образованной Европой. Въ XVIII в. образованные русскіе люди будутъ смѣяться надъ этими народными книгами (напр. Сумароковъ, см. *А. Н. Пытина*, Очеркъ лит. исторіи стар. повѣстей, стр. 290). Но въ XVII в. ихъ принимаютъ съ опасеніемъ, съ исключеніями, со сравами въ древнерусской литературѣ. До XVIII в. въ непосредственныя отношенія съ образованнымъ міромъ Европы входятъ только русскіе послы. Многаго они совершенно не понимаютъ въ европейской жизни; ихъ замѣчанія о театрѣ наивны (посолъ Лихачевъ во Флоренціи присутствовалъ на драматическомъ представленіи и удивлялся машинамъ, да декораціямъ; Авраамій, Суздальскій епископъ, бывшій на такомъ же представленіи во Флоренціи, замѣчаетъ, что и описать невозможно всѣхъ хитростей дѣянія). Правда, послы и толмачи привозятъ изъ Европы книги и даже переводныя повѣсти (1528 г. посолъ Еремѣй Трусозъ ѣздилъ въ Римъ и привезъ оттуда повѣсть о Лоретѣ, Дмитрій Толмачъ привезъ повѣсть о Бѣломъ Клобукѣ, въ XVII в. въ статейномъ спискѣ встрѣчается повѣсть о 3-хъ Царяхъ. См. *А. Н. Пытина* Очеркъ, стр. 222). Въ XVII в. въ Посольскомъ приказѣ, съ разрѣшенія царя, переводятся книги съ латинскаго, нѣмецкаго, а затѣмъ съ польскаго и другихъ языковъ. По гораздо важнѣе этихъ посольскихъ отношеній отношенія московской придворной среды къ южнорусскимъ ученымъ, связи тѣхъ и другихъ съ Польшей.

Отсюда въ исторіи русской литературы является вопросъ о польскомъ вліянніи. Вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ въ общемъ и въ частяхъ. Въ общемъ ученые (Пыпинъ, Тихомировъ, Вессловскій) согласны въ томъ, что

польское вліяніе на русскую литературу не было такъ значительно, какъ предшествующее — византійское: оно не было такъ продолжительно, исключительно, непосредственно, какъ вліяніе византійское, не говоря уже о томъ, что, по условіямъ религіозной разности, польское вліяніе должно было, такъ сказать, измѣнять свою одежду.

Въ послѣднемъ отношеніи посредниками между католической Польшей и православной Москвой явились православные же южнорусскіе школы и ученые. Они передѣлывали католическія польскія произведенія, съ нѣкоторыми уступками, на православный ладъ. Южнорусскіе же ученые, основатели Чудовской и Заиконоспасской школъ въ Москвѣ, явились переводчиками польскихъ произведеній.

XVII вѣкъ въ исторіи польской литературы характеризуется названіемъ періода іезуитскаго, макароническаго (см. Пыпина „Исторія славянскихъ литературъ“, 2-ое изд., т. II, стр. 515 и д.). „Великое Зерцало“ выстѣтъ съ другими аскетическими и мистическими католическими произведеніями является однимъ изъ переводныхъ памятниковъ этого періода. Въ русской переводной литературѣ XVII-го в. почти вовсе нѣтъ произведеній золотого вѣка (XVI) польской литературы, если не считать слабымъ отраженіемъ классическаго свѣтскаго вкуса этого золотого періода — переводнаго сборника „Апофеогмата“, родственнаго произведенія съ тѣмъ же названіемъ Рэя-изъ-Нагловиць. Можетъ быть, современемъ найдутся еще нѣкоторыя произведенія польской литературы золотого вѣка и макароническаго, переведенныя на „славено-россійскій“ языкъ XVII го в., въ родѣ напечатаннаго недавно поэтическаго отрывка въ „Описаніи рукописей Соловецкой библіотеки“ (см. № 242. Великое Зерцало), четвертакъ старой полской, или зерцало, въ немъ же всякъ можетъ прозрѣтиса“. Вообще говоря, въ русскую литературу изъ польской перешли такія произведенія, которыя относятся не столько къ польской литературѣ, сколько къ средневѣковой европейской и преимущественно къ нѣмецкой литературѣ. Слѣдовательно, за немногими исключеніями, польское вліяніе было передаточное. Значеніе польскаго вліянія въ этомъ отношеніи отвѣчаетъ южнославянскому литературному посредничеству между Византіей и древней Русью.

Недавно (въ предисловіи къ изданію „Римскихъ Дѣяній“ Обществомъ Любителей Древнерусской Письменности)

былъ высказанъ взглядъ, не признающій вовсе польскаго вліянія на русскую литературу (стр. III: „не видно даже почему необходимо считать Польшу посредницею въ литературномъ общеніи“ и пр), но взглядъ этотъ не выдерживаетъ критики.

Можно назвать много переводныхъ произведеній XVII в., которыя прямо указываютъ на переводъ съ польскаго, причемъ опредѣляютъ годъ перевода, а иногда и имя переводчика. Вотъ, напримѣръ переводы съ польскаго съ такими указаніями, известные по рукописямъ, начиная съ XVII-го в.

1608 г. Притчи Езопъ, Москва, Гозвинскій.

1609 г. Тропникъ папы Иннокентія III; тамъ-же, того-же. (См. Востоковъ, Описаніе Рум. Муз., стр. 539—540).

1659 г. Ботера, Всеобщая Географія.

1677 г. Великое Зерцало, Москва; по желанію Алексѣя Михайловича.

— Исторія благоприятна о Мелюзигѣ, Москва, (12-го января); Ив. Рудинскій (см. Пыпинъ, 233 стр.).

— Повѣсть отъ древнихъ лѣтописцевъ о Цесарѣ Оттонѣ (въ августѣ) (Пыпинъ, 239 стр.)

— Повѣсть правдивая о князицѣ Альтдорфской. (Пыпинъ 241 стр.)

— Повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своей. (Пыпинъ, 277 стр.)

— Повѣсть о храбромъ рыцарѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ (Пыпинъ, 236 стр.)

1678 г. Сокращеніе Баронія. Рязань. (См. Описаніе рукоп. гр. Толстова, 1825 г., 147 стр.)

1679 или 1680 г. Фацеціи или жарты полски, Новгородъ, Сѣверскій, ноябрь, (Пыпинъ, 265 стр.).

1688 г. Дезидерій. Москва, Теофанъ чудовскій инокъ.
(См. Описаніе рукоп. гр. Толстова, 1825 г.,
стр. 666; Востокова, Описаніе Рум. Муз., стр.
160).

— Солнечное управленіе воли человѣческой съ
волю Божью, Москва; Теофанъ. (Востоковъ,
168 стр.)

1689 г. Сокращеніе Баронія Скаргой, Москва. (см.
Востоковъ, Описаніе Рум. Муз., стр. 18).

1691 г. Римскія Дѣянія, Москва, Теофанъ (Пыпинъ,
183 стр.)

1692 г. Семь мудрецовъ. (Пыпинъ, стр. 254).

Слѣдующія произведенія безъ обозначенія годовъ; по отно-
шенію ихъ къ польскимъ оригиналамъ доказываются или
указаніями, или сравненіями съ подлинникомъ:

Апофеегмата. краткія повѣсти философовъ и пр. (Пы-
пинъ, 262 стр. — Синодальн. ркп. XVII в., № 362 и
печати.) Орывки изъ Совѣстрала. (Пыпинъ, стр. 269; въ
Шемакиномъ судѣ, см. дальше).

Зерцало человѣка христіанскаго (см. Описаніе ркп.
гр. Толстова, 1825 г., стр. 315).

Слѣдующія сомнительныя (предполагается посредство
неизвѣстнаго польскаго оригинала).

О Василю златовласомъ, Чешскомъ королевичѣ. (Изд.
Общ. Люб. Древн. Писъм., предисловіе И. А. Шляпкина
въ переводѣ слова польскія: лешне, шукти, выкладъ, предъ).

О Брунцвикѣ. (А. Н. Вессловскій, въ Исторіи Рус.
Слов. Галахова, 1 т., стр. 443 — 444).

О Бовѣ, храбромъ витязѣ (королевичѣ). (Предположе-
ніе о польск. оригиналѣ высказываетъ Д. А. Ровинскій Русск.
Народн. карт. IV т., 145 стр.)

Кстати припомнимъ немногочисленные переводы съ
польскаго въ XVI вѣкѣ:

1584 г. Хроника Мартина Бѣльскаго, Москва.

1599 г. Хроника Конрада Ликостена. Луцидарій (г. Петровъ въ статьѣ „О вліяніи западно-европейск. литературы на древнерус.“, стр. 712, указываетъ польскія слова, какъ доказательство польскаго оригинала Луцидарія).

Изъ списка по годамъ переводовъ XVII-го в. можно видѣть, что семидесятые и восьмидесятые годы особенно богаты переводами съ польскаго. Къ этимъ же годамъ относится появленіе первыхъ театральныхъ произведеній въ Москвѣ (1672 г.).

Разсматривая по характеру и содержанію переводныя произведенія съ польскаго, можно раздѣлить ихъ на слѣдующія три группы:

1) Духовныя повѣсти. Сюда относится большая часть повѣстей „Великаго Зерцала“, очень немногія изъ „Римскихъ Дѣяній“ и такія сочиненія, какъ Деизидерій, отрывки изъ Баронія и изъ хроникъ.

2) Повѣсти свѣтскаго и особенно смѣхотворнаго содержанія. Таковы Римскія Дѣянія, Апофеогмата, Фацеціи или жарты, Совѣстдраль (*), Семь мудрецовъ.

3) Рыцарскіе романы: Мелюзина, Петръ Златые-Ключи, повѣсти объ Оттонѣ, о княгинѣ Альтдорфской.

Эти группы соотвѣтствуютъ тремъ главнымъ направленіямъ средневѣковой европейской литературы: 1) Монашескому, духовному, католическому; 2) Народному, направленію городского средняго сословія и 3) рыцарскому направленію. Должно замѣтить, однако, что въ упомянутыхъ нами переводныхъ произведеніяхъ повѣсти этихъ трехъ группъ не были строго отграничены; преобладало одно какое-нибудь направленіе, но и въ „Великомъ Зерцалѣ“ встрѣ-

(*) Совѣстдраль — по русск. печати изданію XVIII-го в.

чаются смѣхотворныя повѣсти и повѣсти съ рыцарской окраской, какъ и въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“—духовныя повѣсти. Изъ всѣхъ этихъ трехъ группъ самая интересная вторая группа, перешедшая въ новое время, развившаяся въ басняхъ, новеллахъ и въ другихъ произведеніяхъ новыхъ писателей Европы. Монашеская литература исключительно господствовала въ средніе вѣка, въ послѣдующее время поддерживалась католическимъ духовенствомъ, особенно іезуитами. Рыцарскіе романы кончаютъ свое существованіе въ образованномъ обществѣ Европы послѣ знаменитаго романа Сервантеса *Донъ-Кихотъ*.

Мы остановимся на каждой изъ этихъ группъ, имѣя въ виду точнѣе опредѣлить значеніе польскаго вліянія и мѣсто „Великаго Зеркала“ въ ряду переводныхъ произведеній повѣствовательной литературы XVII-го вѣка. Но эта переводная литература XVII-го вѣка продолжаетъ существовать въ русской литературѣ XVIII-го вѣка и распространяется не только среди грамотнаго народа, но и попадаетъ въ печатную литературу XVIII-го в. Такимъ образомъ значеніе польскаго вліянія распространяется и на XVIII вѣкъ. Польскія произведенія XVI—XVII вв. развиваются въ русской литературѣ XVIII-го вѣка.

Духовныя повѣсти, переведенныя съ польскаго, представляютъ болѣею частію рассказы сходныя съ древнерусскими по общности источниковъ и по общности направленія (см. III главу нашего изслѣдованія о „Великомъ Зерцалѣ“). Изъ этихъ рассказахъ, за исключеніемъ всего, что относится собственно къ исторіи церкви, остается еще много интереснаго для исторіи христіанской легенды. Мы приводимъ ниже примѣры варіантовъ въ легендахъ на одну и ту же христіанско-нравоучительную и чудесную тему, примѣры передѣлокъ въ христіанскомъ духѣ древнихъ восточныхъ рассказовъ.

Но кромѣ этихъ общихъ сторонъ между христіанскими легендами средневѣковой Европы и древней Россіи, должно отмѣтить различіе между ними.

Христіанская легенда въ позднѣйшемъ своемъ развитіи рѣдко проникнута первоначальной наивностью рассказа, но болѣе всего отличается тенденціозностью. Такова окраска, наложенная на легенды „Великаго Зеркала“ его редакторами—іезуитами. По одній легендамъ „Великаго Зеркала“ можно

прослѣдить инквизиціонное отношеніе, окрашенное сверхъестественнымъ чудеснымъ элементомъ, ко всевозможнымъ разногласіямъ съ католической церковью, появившимся на Западѣ, пачиная отъ ересей до протестантизма и научныхъ открытій. Дальше точно такіе же нападки на еретиковъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ католическихъ произведеніяхъ, переведенныхъ въ XVII в. Въ легендахъ „Великаго Зеркала“ упоминаются: „творившіе покаяніе припаденіемъ къ землѣ“ (флагеланты? А, 99 гл.), „не признававшіе покаянія предъ священниками“ (та-же глава), „не соглашавшіеся съ католическими воззрѣніями во взглядахъ на евхаристію“ (А, 116—119.), „не признававшіе чистилища, будущихъ мукъ“ (А, 114 гл.), „читавшіе извѣстное въ средніе вѣка сочиненіе „De tribus impostoribus“, сравнивавшее Христа съ Моисеемъ и Магометомъ“ (см. А, гл. 146.) и рядомъ—„не признавшіе индульгенцій“ (въ польск. odpust—indulgentia), „Лютеране, кальвинисты“ (кромѣ тѣхъ примѣровъ, которые приведены въ изслѣдованіи еще А, 154 гл. и наконецъ всѣ, увлекавшіеся не только „свѣтской мудростью“, но и даже просто „размышлявшіе надъ св. писаніемъ“. (См. приведенные ниже примѣры къ стр. 10 въ Дополненіяхъ, польск. 2236 гл., А., 154).

Всѣ эти еретики несутъ страшныя наказанія свыше; обыкновенно чаще всего они помѣщаются въ адъ; о мученіяхъ ихъ и рассказываютъ легенды въ формѣ видѣній или сновидѣній. Но иногда орудіемъ спасенія, или возвращенія этихъ заблудшихъ людей на путь истины является дьяволъ. Онъ наказываетъ и мучитъ этихъ людей на землѣ, не увлекая ихъ въ адъ, а иногда даже и поучаетъ въ духѣ католической морали. Кромѣ этой роли, дьяволъ играетъ въ легендахъ другую роль: онъ смущаетъ людей, вводитъ ихъ въ заблужденіе и тѣмъ исполняетъ свою завѣтную мысль— „о погубленіи рода человѣческаго“, радуется и веселится этой гибели. Духовныя легенды противоположны, въ этомъ случаѣ, съ шутивными повѣстями. Извѣстно, что уже въ средневѣковыхъ драматическихъ представленіяхъ дьяволъ утратилъ постепенно страшный характеръ и низошелъ къ роли веселаго шута. Тоже отразилось и въ шутивныхъ повѣстяхъ, на чемъ мы остановимся еще при характеристикѣ смѣхотворныхъ повѣстей. Въ русской литературѣ XVII-го в. привился типъ дьявола, какъ онъ изображается въ духов-

ныхъ легендахъ. Съ такими страшными чертами дьяволы являются въ извѣстныхъ повѣстяхъ XVII-го в.—о Соломонѣ и о Саввѣ Грудцынѣ. Народныя сказки о чертахъ представляютъ часто развитіе того же представленія о дьяволѣ, которое приводится въ духовныхъ легендахъ; но иногда замѣчается и связь съ шутливыми повѣстями: тамъ, гдѣ люди (чаще солдаты) обманываютъ чертей и ставятъ ихъ въ положеніе дураковъ.

Въ исторіи христіанской легенды на Западѣ важное значеніе имѣютъ легенды, связанныя съ культомъ св. Дѣвы Маріи. Уже съ XI в. въ католической литературѣ чудеса все вниманіе поглотили чудеса св. Дѣвы Маріи (*Dunlop Liebrecht, Geschichte der Prosadichtungen*, 307 стр); позднѣе иезуиты, собирая и распространяя эти чудеса, учили даже, что черезъ св. Дѣву Марію легче получить милость, чѣмъ черезъ Христа. Средневѣковыя легенды о св. Дѣвѣ Маріи не только передаются въ латинскихъ сборникахъ и въ народныхъ пересказахъ, но служатъ богатымъ матеріаломъ для древне-нѣмецкой поэзіи. Въ эпоху рыцарства эти легенды получаютъ рыцарскую окраску. Проф. Буслаевъ указывалъ еще въ древнерусской литературѣ черты рыцарской окраски въ легендѣ о св. Меркуріи Смоленскомъ (Историч. Очерки, томъ II, 197 стр.). Но въ XVII в., когда и черезъ „Великое Зерцало“, и черезъ южнорусскіе сборники, вошло въ русскую литературу много западныхъ легендъ о св. Дѣвѣ Маріи, мы не видимъ однако не посредственнаго вліянія культа св. Дѣвы на русскую литературу и словесность. Напротивъ, замѣчается только соогвѣстствіе этого культа съ своеобразнымъ развитіемъ сказаній о явленныхъ иконахъ Божіей Матери въ разныхъ мѣстахъ Россіи и чудесахъ, происшедшихъ отъ иконъ. Поэтому въ нѣкоторыхъ большихъ спискахъ „Великаго Зеркала“ (Тихо-правова и Буслаева) присоединено къ западнымъ легендамъ нѣсколько древнерусскихъ сказаній о явленныхъ иконахъ Божіей Матери. Къ числу особенностей же въ развитіи католической легенды объ евхаристіи, въ которыхъ или доказываются догматическія положенія, или наказываются и убѣждаются въ значеніи евхаристіи еретики; далѣе — легенды, въ которыхъ рассказывается о наказаньяхъ свыше пренебрегающихъ или презирающихъ католическую проповѣдь, индульгенціи (выроченъ, эти послѣднія легенды не вошли въ русскую литературу XVII-го в.). Кромѣ громад-

наго „Великаго Зеркала“ и сродныхъ съ нимъ южпору-скихъ сборниковъ западныхъ чудесъ и легендъ, къ духов-нымъ же повѣстямъ аскетически-мистическаго направленія относится сборникъ „Дезидерій“. Вотъ полное заглавіе его, изъ котораго можно познаться съ происхожденіемъ сборника и съ его переводомъ на русскій языкъ: „Дисидерій, или стезя къ любви Божіей и къ совершенству житія хри-стіанскаго. Бесѣда дивнѣ благоговѣйная и утѣшная со испанскаго на влоскій, французскій, нѣмецкій, нидерляндскій и латинскій языкъ, потомъ же и на польскій преложенная чрезъ Аспера Внаговскаго, нынѣ же съ польскаго на сла-венскій языкъ, ради богобоящихся и житіе свое въ бого-мысли и въ трудолюбіи препроводити хотящихъ монаховъ, реложена іеродіакономъ Теофаномъ, въ Москвѣ, въ Чудов-скомъ монастырѣ, 1688 г., ноября“ (см. Описаніе ркп. гр. Тол-стова 1825 г., 666 стр.; Москов. публичн. Музей, изъ ркп. Ундольскаго № 528). Дезидерій — имя монаха, о которомъ разсказывается, какъ онъ отыскивалъ любовь Божію, страп-ствуя по монастырямъ. Книга дѣлится на три части, до 25 главъ въ каждой. Объ аллегорическомъ стилѣ, въ которомъ написана книга, можетъ дать понятіе слѣдующій примѣръ 2-й книги, 20 гл. — „игуменія Гордость посылаетъ убо своя дщери“ и пр. Въ Дезидеріѣ проявляется также самая нетер-пимость къ лютеранамъ, что и въ указанныхъ выше по-вѣстяхъ „Великаго Зеркала“. Такъ, во 2-й кн., 17 гл. „Дези-дерій молить въ той монастырь убо пріяти брата своего; посылаетъ ему посланіе о нѣкомъ отступницѣ монасѣ, такожде здѣ есть истинное изображеніе нынѣшняго вѣка от-ступниковъ монаховъ, ихже бысть начальникъ окаянный монахъ Люторъ“.

Къ духовнымъ же повѣстямъ относятся многіе раз-сказы въ средневѣковыхъ хроникахъ. Происхожденіе этихъ разсказовъ объясняется прежде всего тѣмъ, что хроники велись въ монастыряхъ, а затѣмъ извѣстно, что историче-скія воззрѣнія христіанскихъ народовъ долгое время разви-вались столько же подъ вліяніемъ древнихъ языческихъ воз-зрѣній, сколько и подъ вліяніемъ новаго христіанскаго воззрѣнія, въ особенности воззрѣнія на грѣхъ и на спасеніе. Отсюда дѣйствія людей и явленія человѣческой жизни раз-сматривались, какъ проявленія высшихъ силъ — злыхъ и доб-рыхъ. Съ такой точки зрѣнія разсматривались историческія

событія какъ средневѣковыми европейскими, такъ и древнерусскими лѣтописцами. Но въ западныхъ хроникахъ больше этого политическаго легендарнаго элемента: многія изъ повѣстей „Великаго Зеркала“ относятся именно къ такимъ легендамъ.

Мы уже говорили о томъ, что три направленія средневѣковой литературы не были строго разграничены; поэтому и въ духовныхъ сборникахъ, въ родѣ „Великаго Зеркала“, или сборниковъ для проповѣдниковъ, встрѣчаются смѣхотворные свѣтскіе рассказы, рыцарскія исторіи и въ сборникахъ съ свѣтскимъ характеромъ, въ родѣ „Римскихъ Дѣяній“, почти большинство рассказовъ окрашено духовнымъ направленіемъ. Это направленіе выражается въ т. н. морализаціяхъ, которыя присоединяются въ концѣ каждаго рассказа и со всевозможными натяжками проводятъ поученія объ исповѣданіи грѣховъ, о покаяніи, о сокрушеніи сердечномъ, о постѣ, молитвѣ, милостынѣ, о страшномъ судѣ, о суетности веселія. Человѣкъ, по морализаціямъ „Римскихъ Дѣяній“, терпитъ „искусы отъ дьявола, отъ міра, отъ плоти“. Рѣзкое католическое направленіе „Римскихъ Дѣяній“ проявляется въ нападкахъ на науку; такъ напр. въ морализаціи, по Соловецк. сп. № 242, л. 255, говорится: „мудрецы свѣта сего иже чрезъ мудрость мірскую приѣмлютъ къ житію своему... человекъ погубляетъ вѣру въ науцѣ свѣта сего“; въ этомъ случаѣ онъ подобенъ „рыбѣ морской, которая выскакиваетъ изъ воды на сушу“. Какъ и во всѣхъ пореформаціонныхъ католическихъ сборникахъ, въ морализаціяхъ „Римскихъ Дѣяній“ проводится мысль, что въ этотъ послѣдній вѣкъ „все переишло, все стало хуже“. Морализаціи встрѣчаются и въ другихъ переводныхъ произведеніяхъ XVII-го в., напр. въ сборникѣ, переведенномъ съ нѣмецкаго, „Зрѣлище житія человѣческаго“ въ баснямъ, апологамъ присоединены морализаціи съ такими же натяжками, какъ и въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“.

Подобіе морализацій встрѣчается и въ древнерусской переводной, литературѣ; такова напр. въ прологѣ (16-го февраля) заимствованная изъ Патерика, „притча душеполезна“. Великій старецъ, — говорится въ этой притчѣ, — рассказъ о трехъ друзьяхъ, которыхъ звалъ одинъ человекъ, чтобы идти къ царю; первый другъ дошелъ до полпути, второй — до палаты, а третій — до самого царя. По толко-

ванію великаго старца, первый другъ—постъ, второй—чистота, третій—послушаніе, а царь—Богъ. Въ „Великомъ Зерцалѣ“ есть примѣръ изъ Климака (Лѣтвичника) (см. А. 18 гл.). „Притча о души, како дѣлѣ злыхъ лишися“. Притча рассказываетъ о прекрасной блудницѣ, на которой женился славный князь, цесль того какъ она обѣщдалась хравить чистоту. Но прежніе любовники стали вызывать ея изъ дому князя „свистаніемъ“. Прежняя блудница, услышавши свистъ, заткнула уши и заперлась отъ любосниковъ внутри дома. Толкованіе притчи: „блудница есть душа, любовницы—грѣси, князь—Христосъ, домъ его—церковь, свистающіи—бѣсове, душа же вѣрная всегда пребываетъ въ запо-вѣдехъ божіихъ“.

Подобныя „толкованія“ встрѣчаются въ притчахъ Варлаама и Іосафата. Такимъ образомъ происхожденіе морализацій стоить въ связи съ произведеніями Востока. Но этотъ восточный приѣмъ аллегорическаго и символическаго вывода морали носить на себѣ слѣды различныхъ направленій: въ древнерусской литературѣ онъ является проводникомъ аскетизма; въ позднѣйшихъ католическихъ морализаціяхъ онъ отражаетъ всѣ особенности католической нетерпимости и съ этими чертами онъ выходитъ и въ русскую литературу XVII в.

Переходимъ ко второй группѣ переводной повѣствовательной литературы XVII-го в.—свѣтскаго и смѣхотворнаго направленія.

Мы говорили уже, что русскій выборъ нѣсколькихъ главъ (40) изъ большаго сборника „Римскихъ Дѣяній“ представляетъ переходъ отъ повѣстей духовнаго направленія къ свѣтскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если исключить изъ „Римскихъ Дѣяній“ морализаціи, какъ проявленіе духовнаго элемента, и немногія духовныя повѣсти, то остаются: анекдоты изъ класической древности (напр. о юношѣ Цапирин, о злѣвѣ Андрокла и пр.), связанные съ сочиненіями Цицерона и др.; средневѣковыя историческіе рассказы (о Гвидонѣ и о Тирусѣ); т. е. страстующіе рассказы, возникшіе изъ восточныхъ сюжетовъ. Слѣдовательно, „Римскія Дѣянія“ кромѣ христіанско-нравоучительной цѣли (въ морализаціяхъ и въ духовныхъ повѣстяхъ) отвѣчали свѣтской цѣли развлеченія. Въ западной литературѣ повѣсти „Римскихъ Дѣяній“ стоятъ въ связи съ новеллами Боккаччо, а въ русской литературѣ—съ народными сказками и анекдотами, въ которыхъ нѣтъ ничего духовнаго, религіознаго.

Такъ „Прикладъ (Римскихъ Дѣяній) яко не имѣти вѣрнѣи женамъ, ниже тайнъ имъ объявляти“ (Пыпинъ, Очеркъ, стр. 188) имѣетъ близкое отношеніе къ народной сказкѣ „Жена докащица“ (Аванасьева, Народн. русск. сказки, 1873 г. 2-е изд., IV т., стр. 530—533). Мы не будемъ останавливаться на пересказѣ содержанія „Приклада“ и сказки, на сравненіи ихъ, такъ какъ то и другое можно найти у Аванасьева въ указанномъ мѣстѣ. Пыпинъ въ Очеркѣ (стр. 188) колеблется признать въ этой сказкѣ позднѣйшее заимствованіе, но точно также нельзя здѣсь видѣть и историческаго родства мифовъ. Что сказка могла возникнуть изъ „Римскихъ Дѣяній“, не смотря на значительную разницу въ подробностяхъ, можно заключить изъ народныхъ пересказовъ лубочныхъ картинокъ (см. ниже); но, за отсутствиемъ посредствующаго отношенія между сказкой и „Римскими Дѣяніями“ въ родѣ лубочныхъ картинъ, ничто не препятствуетъ признать въ сходствѣ сказки и „приклада“ общность восточнаго прототипа, перешедшаго изъ Россіи устнымъ путемъ съ Востока и литературнымъ путемъ на Западъ. Несомнѣннѣе ближайшее отношеніе „Приклада о лести дьявола-и“ (Пыпинъ, Очеркъ 190 стр.) къ народнымъ анекдотамъ объ инородцахъ (Аванасьевъ, Сказки, IV т., стр. 535—536). Точно такое же отношеніе можно найти въ „Прикладѣ о мудрости, чтобы мы все добрымъ размышленіемъ творили“ (Пыпинъ, 186—187 стр.), повторенномъ въ „Великомъ Зерцалѣ“ (см. ниже) и народной сказкѣ „Доброе слово“ (Аванасьева, Сказки, IV т., стр. 177—480).

„Апофегматы (*)“ отличаются отъ „Римскихъ Дѣяній“ прежде всего тѣмъ, что неимѣютъ никакого отношенія къ духовнымъ по-

(*) Рукопись Синодальн. библ. XVII-го в., № 362. См. выдержки изъ нея и примѣчанія у Буглети Историч. Христоматія, стр. 1387—1392. Этотъ переводъ XVII-го в. отличается отъ печатныхъ изд. XVIII в. (напр. 1745 г.) полнотою перевода (въ печатномъ изд. опущена 4-я книга, переводъ сокращенъ), нѣкоторыя мѣста прозаическаго перевода XVII-го в. въ печатныхъ изд. вложены смѣшанными вырвами, отчасти выраженіями и языкомъ перевода. Замѣтимъ кстати объ указанныхъ на „Апофегматы“ въ южнорусскихъ сочиненіяхъ XVII в. нѣк.: „Мессія Правдивый“ 1669 г., л. 261 б — Мануцій въ Апофегматахъ оба Александръ Македонскомъ „Чуда Пр. Дѣвы Маріи“ — Лазаря Барановича 1677 г., л. 37 б. Плутархъ въ Апофегматахъ.

вѣстямъ. Это совершенно свѣтскій сборникъ, стоящій ближе всего къ свѣтскимъ рассказамъ фавелъ. Въ риторикѣ XVII-го в. упоминается слово „апофегмата“ въ значеніи „сентенцій, разумно изреченныхъ словъ“. Следовательно, это названіе было такимъ же риторическимъ терминомъ, какъ „зерцало“ въ значеніи примѣра (exemplum, Beispiel). Польскія „апофегмата“ были переведены съ латинскаго. Извѣстно латинское изданіе — *Aprophthegmata*, Amsterdam. 1671 г. Пыпинъ считаетъ ближайшимъ оригиналомъ русскаго перевода — *Aprophthegmata* *Bieniasza Budnego* (стр. 262, Очеркъ лит. исторіи), такъ какъ въ польской литературѣ были извѣстны еще *Апофегмата* *Рая* изъ *Нагловицъ* и *Витковскаго*. Въ польскій переводъ апофегматъ, какъ и въ другіе переводные сборники, вошли три польскія статьи, изъ которыхъ двѣ, о *Вандѣ* и *Ю (Я) двигѣ*, напечатаны въ *Историч. Христом. Буслаева* (стр. 1389—1390). Приводимъ 3-ю статью по ея интересному содержанію. „*Панъ елецкій*“ (*eleksyjny* — избираемый? *eleksye* — выборы). *Панъ елецкій*, честнѣйшій сиклитикъ и гетманъ короны полскія. Егда король *Стефанъ* счастливъ сѣдѣ на престолѣ королевскомъ и употребляше его въ томъ, дабы при дворѣхъ его вавился (*wabić* — приглашать), дабы тако за совѣтомъ его всякія саны челоукомъ достойнымъ раздавати могли, яко того иже сый гетманомъ вѣдѣше кто заслуженъ есть отечеству первѣе взъ себѣ то на размышленіе. Посемъ егда хоташе король вѣдати еще бы намыслился королю, за то благодареніе имѣ. А отвѣтъ сичевъ даде: волю милости королевскія быти гостемъ, неже господиномъ, показуя. Яко въ волномъ народѣ трудно всѣмъ угодити“. Это одинъ изъ образчиковъ того, что приходило въ русскую литературу собственно польскаго.

Содержаніе апофегматъ опредѣляется ихъ заглавіемъ: „книги краткихъ соплетенныхъ (въ печатномъ изд. „*витіеватыхъ*“, польск. *węzłowatych*, во 2-ой и 3-ей кв. ркп. и печатн. изд. — „узловатыхъ“) повѣстей, содержащихъ: различные вопросы и отвѣты, житія и поступки, пословицы и разговоры различныхъ древнихъ философовъ, кесарей, *Лакедемонянъ* и др.“ Среди этихъ краткихъ рассказовъ о классическихъ великихъ людяхъ встрѣчаются мысли древнихъ классическихъ писателей (нар. полезныя рѣчи изъ книги *Цицерона*, *Плавта* и др.); историческіе анекдоты (напр. о *Бреннѣ Гальскомъ*, который называется королемъ французскимъ), соединенные съ историческими фактами (такъ, при изре-

ченіи Юлія Цесаря о томъ, что изъ воѣхъ смертей „легчеѣ
воѣхъ печальная“ передается слѣдующее: „имѣною лучшимъ
отъ Римлянъ, зговорясь на него за то, что самъ только
государствовать восхотѣлъ, и монархомъ учинился было,
въ сенатѣ убили его, давъ ему 22 раны. Римляне бо по
вся годы дву правителей, которые исѣмъ государствомъ пра-
вили, между себе избирали, ихъ же звали кнѣзями, а мо-
нарха надъ собою имѣти не хотѣли“ (изд. 1746 г.,
стр. 102.).

Въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ и въ смѣшныхъ остроум-
ныхъ отвѣтахъ аподегмата сближаются съ фантасіями, по
отличаются отъ нихъ общимъ серьезнымъ содержаніемъ. Всѣ
разсмотрѣнныя нами повѣсти: духовныя легенды, легенды
свѣтскія, подвергшіяся морализаціи, историческія повѣсти
и классическія изреченія—связаны съ интересными смѣло-
творными веселыми повѣстями (*contes à rire*). Исторія
возникновенія этихъ повѣстей относится къ среднимъ вѣ-
камъ. Рядомъ съ монашеской литературой и рыцарской
поэзіей въ средніе вѣка возникаетъ литература народа и
средняго сословія, городского. Эта литература принимаетъ
сатирическій характеръ. Въ духовной миистеріи она прояв-
ляется въ выходкахъ шутовъ, въ повѣствовательной лите-
ратурѣ—въ животномъ эпосѣ и въ массѣ разсказовъ изъ
простой обывательской жизни, основанныхъ на дѣйстви-
тельныхъ происшествіяхъ, или чаще передѣланныхъ изъ т. п.
странствующихъ разсказовъ. Кромѣ отдѣльныхъ распеодиче-
скихъ сказаній, являются цѣлыя эпопеи съ типическими
героями, въ родѣ Морольфа и *Eulenspiegel*'я. Въ шутил-
кахъ, смѣхотворныхъ повѣстяхъ нѣтъ того чудеснаго, таин-
ственнаго элемента, который развивается въ литературѣ ка-
толическаго духовенства, нѣтъ той утонченности, того ге-
ройзма, которые господствуютъ въ рыцарской поэміи. Въ
повѣстяхъ городского средняго сословія событія дѣйстви-
тельной жизни представляются въ шутиливомъ, а иногда и въ
циническомъ (фривольномъ) топѣ. Отсюда чудесныя, таин-
ственныя разказы католическаго духовенства въ сопостав-
леніи съ его дѣйстви-тельной жизнью, разрѣшаются въ ко-
мическіе разказы о духовныхъ: ихъ продѣлкамъ противо-
поставляется народная хитрость; утонченные, идеальныя
рыцарскіе разказы превращаются въ циническія положе-
нія господъ, соединенныя съ выходками шутовъ. Сатира

переходить и на другія сословія въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, подававшихъ поводъ къ шуткамъ. И такъ, большая часть содержанія шутливыхъ повѣстей сводится къ изображенію католическаго духовенства, высшаго сословія, взаимныхъ отношеній разныхъ сословій, обманывающихъ и обманутыхъ; но особенное мѣсто въ этой литературѣ занимаютъ изображенія обмановъ и хитростей женщинъ. Разсматривая эти повѣсти по распространенности въ различныхъ странахъ Европы, мы можемъ отмѣтить особенно многочисленные итальянскіе рассказы, связанные съ фацеціями Поджіо (съ 1470 г.), Морлини и съ новеллами Боккачіо; затѣмъ рассказы нѣмецкіе, соединенные съ типическимъ героемъ Тилемъ Eulenspiegel'емъ и „серьезные и шуточные рассказы Паули“ (Schimpf und Ernst), наконецъ французскіе *fabliaux*.

Въ польской литературѣ XVI—XVII-го вв. были извѣстны какъ фацеціи — эти сборники шуточныхъ рассказовъ, составленные, подобно духовнымъ католическимъ сборникамъ, изъ рассказовъ разныхъ народовъ и разныхъ вѣковъ, по съ однимъ направленіемъ, — такъ и повѣсти о герояхъ, въ родѣ Eulenspiegel'а (Sowizdrzal). Все это перешло и въ русскую литературу XVII—XVIII-го вв. Фацеціи (*) встрѣчаются въ рукописяхъ XVII—XVIII-го вв. подъ слѣдующимъ обширнымъ заглавіемъ: „Книга глаголемая фацецы или жарты (żart—шутка) полская бесѣды, повѣсти и утѣшки московскія отъ пяти разныхъ трактатовъ преложены и во единственнѣй порядокъ спряжены, приѣмши начало отъ старожитныхъ (starożytny—древній) до Августа и прочихъ славныхъ и державныхъ. Не точію же таковыми и весьма мудрыми и различными образми хитрыми и глумными не злонось, ниже къ слабости склонны, но и не подобныхъ обыклостей обличительны окончашася же... женами съ приятными ихъ къ мужемъ дѣлами... (писана 1778 году, Іюля 25 числа). . Переведены съ польскаго языка жартовъ совокупно всѣхъ трактатовъ“. (Ркп. Москов. Публ. музея, № 890). Изъ этого уже заглавія можно заключить о связи фацеціи съ апогегматами, и дѣйствительно, въ „старожит-

(*) Въ южнорусской литературѣ: „Мессіа Правдивый. 1689 г., л. 129 б.—Поггбусъ въ фацеціяхъ.

ных^а рассказахъ фаденцій, кромѣ общаго направленія съ апооегматами, есть одипаковые рассказы. Но кромѣ древнеклассическаго содержанія въ фаденціяхъ много рассказовъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются шуты, хвастуны, пьяницы, духовные, лѣкаря и особенно женщины, что составляетъ какъ бы особый отдѣлъ о женскихъ хитростяхъ и обманахъ.

Среди этихъ рассказовъ встрѣчаются тѣ же самые рассказы, что и въ сборникахъ для проповѣдниковъ и въ „Великомъ Зерцалѣ“ (напр. „объ упрямой жевѣ“, „о жевѣ, наказавшей бабу, которая хотѣла прельстить ее“). Мы уже замѣчали о разницѣ между шутливыми повѣстями и духовными легендами (см. 104—105 стр. нашего изслѣд. о „Великомъ Зерцалѣ“). Чтобы рѣзче опредѣлить это отношеніе, достаточно остановиться на шутливыхъ повѣстяхъ о католическомъ духовенствѣ. Въ духовныхъ легендахъ, хотя изрѣдка, но изображаются пороки духовенства. Такова напр. большая повѣсть объ Удонѣ. Кромѣ нея въ „Великомъ Зерцалѣ“ есть повѣсти, въ которыхъ рассказывается, какъ монахъ отравилъ игумена, чтобъ занять его мѣсто (А, 152 гл.), какъ епископъ велъ войну съ аббатомъ, такъ что борющіеся партіи дрались въ церкви (Барсова, 351 гл.). Но, согласно поучительной цѣли, духовныя легенды вынодять не столько пороки, сколько страшныя, чудесныя наказанія, постигающія грѣшниковъ.

Въ шутливыхъ повѣстяхъ нѣтъ этихъ наказаній, но зато больше мѣста отведено изображенію самаго порока, въ формѣ шутки. Направленіе фаденцій совершенно исключаетъ страшныя легенды о дьяволахъ, волшебникахъ, адскихъ мукахъ, страшныхъ грѣшникахъ; поэтому старообрядцы не даромъ надписывали на нѣкоторыхъ рукописяхъ фаденцій, что повѣсти эти „безъ страха упоминають о Божѣ“. Такъ относились къ смѣхотворнымъ, шутливымъ повѣстямъ представители католическаго духовенства (эти отзывы мы приводимъ ниже). Напр. въ переводѣ „Тропинка папы Иннокентія“, въ предисловіи говорится: „Не отъ глумленій бо ниже смѣхотворныхъ бесѣдъ глаголю, ими же тлятъ предобрые и благіе разумы и отгоняють страхъ Божій“ (ржп. Общ. Любим. древнерус. писм., № XVI). Среди повѣстей фаденцій встрѣчается нѣсколько рассказовъ объ Eulenspiegel'ѣ, польскомъ Sowizdrzał'ѣ, но полный русскій переводъ съ поль-

скаго объ этомъ героѣ относится къ XVIII в. Прежде чѣмъ говорить объ отношеніи Совѣстдрала къ другимъ переводнымъ произведеніямъ русской литературы, должно сказать нѣсколько словъ о его происхожденіи и общемъ содержаніи.

Мацѣевскій въ своей книгѣ „Polska pod względem obyczajów i zwyczajów“ (1842 г., т. IV, 376 стр. и д.) старался доказать, что Sowizdrzal чисто польское произведеніе, которое перешло изъ Польши въ Германію. Но это несправедливо. Историки нѣмецкой литературы доказали, что Тилль Eulenspiegel имѣетъ болѣе раннихъ предшественниковъ въ Германіи, именно: „Pfaffe Amis“ Штриккера (около половины XIII ст.) и „Pfaffe von Kalenberg“ Филиппа Франкфуртера (приблизительно XV ст.) и что первоначальная канва народной книги объ Eulenspiegel'ѣ — его біографія возникла въ нижней Германіи (около 1483 г.) и напечатана въ первый разъ на верхне-нѣмецкомъ языкѣ Томомъ Мурнеромъ въ 1519 г. Книга объ Eulenspiegel'ѣ начинается описаніемъ мѣста родины его, его родителей и дѣтства героя, затѣмъ идутъ его хитрые продѣлки и обманы, которые заимствованы и изъ продѣлокъ англичанина „Pfaffe Amis“ (напр., какъ Eulenspiegel выучилъ осла читать, объявивъ чудо отъ головы св. Брандана) и изъ продѣлокъ итальянскаго шута Говеллы (см. *Kurz, Geschichte der deutschen Literat.*, 1873 г., 1 т., стр. 427, 667, 752). Вообще въ личности Eulenspiegel'я слились такіе же разнообразныя по происхожденію шуточные рассказы, какъ въ личности Фауста страшныя рассказы о черпокнижникахъ и объ ихъ отношеніяхъ къ дьяволамъ. Поэтому въ рассказахъ о продѣлкахъ Eulenspiegel'я можно найти тѣ же самыя рассказы, что и въ вышеупомянутыхъ фацеціяхъ и наоборотъ — въ фацеціи переплели отдѣльные эпизоды изъ Eulenspiegel'я. Нѣмецкій Eulenspiegel — крестьянинъ, и потому его шутки направлены противъ горожанъ и высшего класса, особенно противъ разбогатѣвшихъ ремесленниковъ. Само собою разумѣется, что много шутокъ приходится и на долю католическаго духовенства, какъ вообще во всѣхъ смѣхотворныхъ европейскихъ повѣстяхъ. Эта послѣдняя черта Eulenspiegel'я вызвала со стороны польскаго духовенства запрещеніе Совѣстдрала, хотя въ польскій переводъ и не вошли особенно рѣзкія нападки на обманы духовныхъ и на вымышленныя чудеса. Самый характеръ Eulenspiegel'я долженъ

былъ измѣниться среди польскаго общества, въ которомъ исключительное положеніе занимала шляхта, а не богатое ремесленное сословіе, какъ въ Германіи.

Въ русской литературѣ, какъ видно уже изъ заглавія печатнаго изданія XVIII-го в. („Похожденіе ожившаго новаго увеселительнаго пута и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута, Совѣстрала, большаго носа; пер. съ польскаго и другихъ языковъ 2 ч., 1793 и 1798 гг.“), польскій *Sowizdrzal* получилъ особенное значеніе „великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута“,—волокиты. Похожденія его, по изданію XVIII-го в., возвращаются преимущественно среди купцовъ и крестьянъ. Вѣроятно, что первоначальный русскій переводъ Совѣстрала относится къ XVII вѣку; этотъ переводъ и пошелъ съ разными дополненіями въ изданіе XVIII вѣка, какъ это было почти со всеми переводными произведеніями

II-го вѣка (напр. *Дезидерій*, *Апопегмата* и пр.). Между прочимъ, одинъ изъ эпизодовъ, встрѣчающихся въ польскомъ Совѣстралѣ, повторяется въ известной русской передѣлкѣ восточнаго разсказа „о Шемякиномъ судѣ“, дополненнаго въ XVII вѣкѣ изъ переводныхъ произведеній съ польскаго. Эпизодъ этотъ состоитъ въ томъ, что каменщикъ упалъ съ башни и раздавилъ сидѣвшаго внизу челоѣка; на судѣ каменщикъ предложилъ сыну убитаго: „войди на башню и бросься на меня и убей меня до смерти“ (см. *Росинскій*, Рус. нар. картинки, IV т., 169 стр.).—Точно также нѣкоторые эпизоды изъ Совѣстрала повторяются съ измѣненіями въ русскихъ народныхъ сказкахъ и анекдотахъ (напр. у *Авдеева* Рус. нар. сказки, 1873 г., кн. III, стр. 359 и д. „Шутъ“—эпизодъ о женѣ, превратившейся въ козлуху).

Рядомъ съ Совѣстраломъ и сифхотворными повѣстями въ русскую литературу XVII-го вѣка вошли изъ польской литературы знаменитыя повеллы Боккачіо (см. *Пытина* Очерки, стр. 276—278). Особенно близка къ тексту Декамерона 7-ая новелла изъ 7-го дня—„о господинѣ Петрѣ и о прекрасной Кассандрѣ и о слугѣ Николаѣ“ (въ пѣмецк. переводѣ Декамерона *Soltan*, 1860 г., имена—*Egano*, *Beatrice*, *Amichino*). Большаю новеллу изъ 2-го дня (9-ая) о Вернабо и его женѣ, распространенная въ польскихъ изданіяхъ XVI—XVII вв. въ отдѣльных изданіяхъ, известна въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Повѣсть утѣшная о купцѣ, который зало-

женихъ (zalożyc się, — биться объ закладъ) съ другимъ о до-
бродѣтели жены своей“ (въ Соловецкой библ. ркп. № 242*—
„Великое Зерцало и приклады отъ иныхъ книгъ“; по-
вѣсть помѣщена среди примѣровъ изъ „Римскихъ Дѣяній“
и „Апофегматъ“). Какъ заглавіе, такъ и текстъ перевода этой
повѣсти (по соловецкой ркп.) изобилуетъ польскими сло-
вами. „Во градѣ Парижю, — такъ начинается повѣсть, — купцы
нѣкоторые стали во единомъ дому“. Амбросій (Ambrogio) отъ
города Пляцентія (Piacenza), Викентій отъ града Епе-
вы (?—Вотнаво, Генуа); далѣе упоминается Истванъ (?—Si-
сигано). Мы не имѣли подъ руками польскаго оригинала,
нозтому не можемъ остановиться подробнѣе на этой инте-
ресной повѣсти, литературная исторія которой указана у
Von der Hagen'a (Gesammtabenteuer, III т., 83—112 стр.,
Сомадена, Тутикаме, Gesta Romanorum, повеллы Ванде-
лю и пр.) и у Пыпина (Очеркъ, 277 стр.). Замѣтимъ только,
что въ русскомъ переводѣ этой повѣсти встрѣчается эпизодъ
„яко оную притчу повѣдаютъ, гдѣ діаволъ не можетъ сотво-
рити, то тамо бабу пошлетъ“, — имѣющую отношеніе къ смѣхо-
творной повѣсти, встрѣчающейся въ „Великомъ Зерцалѣ“
(польск. 1084; гл. А, 53) о томъ, какъ дьяволъ долго не могъ
посѣять раздоръ между примѣрными супругами и успѣлъ въ
этомъ только тогда, когда нашелъ бабу, которая и разстроила со-
гласную жизнь супруговъ. Близкій къ этому примѣру „Ве-
ликаго Зеркала“ рассказъ повторяется въ „Римскихъ Дѣя-
ніяхъ“ (о плачущей собачкѣ). Von der Hagen (въ указан-
номъ уже мѣстѣ Gesammtabenteuer) отмѣчаетъ этотъ примѣръ
„Римскихъ Дѣяній“, какъ соответствующій повѣсти о двухъ
купцахъ. Кондратовичъ (Владиславъ Сырокомля) въ Исторіи
польской литературы (русскій переводъ 1860 г., во 2 т.
стр. 10) причисляетъ только что упомянутую „забавную
исторію о купцѣ, который съ другимъ бился объ закладъ за
вѣрность своей жены“ къ романамъ, но собственно это
названіе идетъ къ такимъ переводнымъ произведеніямъ,
какъ „исторіи“ или „повѣсти“ о Мелюзинѣ, Магелонѣ и Пет-
рѣ Прованскомъ (Златые-Ключи), объ Октавіанѣ или От-
тонѣ, о княгинѣ Альдѣрфской. Заслуживаетъ вниманія дру-
гое замѣчаніе Кондратовича, что „всѣ эти романтическія и
забавныя исторіи, не переходя въ просвѣщенные слои об-
щества, приводили въ слезы или смѣшили однихъ только

добродушныхъ мѣщанокъ, или мелкопомѣстныхъ шляхтовокъ" (тамъ-же). Поэтому-то западный романъ въ эту эпоху, какъ замѣчаетъ далыше Коядратовичъ, и не получилъ въ Польшѣ правъ гражданства, не развился (II т., стр. 488).

По основнымъ сюжетамъ романы, перешедшіе къ намъ въ XVII-мъ вѣкѣ изъ Польши, относятся къ средневѣковымъ французскимъ поэмамъ, но въ польскую литературу они перешли черезъ народныя нѣмецкія книги. Если западный романъ въ Польшѣ XVI—XVII вѣковъ не получилъ другаго значенія кромѣ занимательнаго и забавнаго чтенія среди полуграмотной шляхты, то тѣмъ незначительнѣе могла быть его роль въ Россіи. И дѣйствительно, по замѣчанію ученыхъ (А. Н. Пыпина, Очеркъ, стр. 228, 230 и А. Н. Веселовскаго въ Исторіи Русской Словесности Галахова, 1880 г. I т., стр. 461.) рыцарскіе романы оказались среди другихъ переводныхъ произведеній повѣствовательной литературы менѣе другихъ понятными, менѣе развитыми; они усвоены были чисто внѣшнимъ образомъ; основное направленіе романовъ въ русскихъ переводахъ совершенно утрачено, остается интересъ къ внѣшней физической силѣ и къ приключеніямъ, страствованіямъ дѣйствующихъ лицъ, на которыхъ наложенъ даже отбѣнокъ набожности. Одинъ изъ этихъ романовъ о Петрѣ Златыхъ - Ключахъ вошелъ въ русскія лубочныя картинки (см. Ровинскій, Р. Н. К., IV т. стр. 152). Но популярность Петра Златыхъ - Ключей далеко уступаетъ популярности другаго героя рыцарской исторіи—Бовы королевича, происхожденіе котораго связано болѣе съ итальянской поэмой, чѣмъ съ польской переводной литературой. Поэтому мы и не будемъ останавливаться на повѣсти о Бовѣ королевичѣ, то-по также какъ опускаемъ повѣсти о Брунцвигѣ и Василѣ златовласомъ. Мы уже упоминали, что всѣ три романа, переведенные съ польскаго,—о Мелюзинѣ, о Петрѣ Златыхъ - Ключахъ и о преславномъ римскомъ кесарѣ Отгонѣ, въ первоначальныхъ редакціяхъ не что иное, какъ средневѣковыя французскія поэмы. Съ литературной исторіей этихъ романовъ можно познакомиться изъ „Очерка“ А. Н. Пыпина. Мы отмѣтимъ только отношеніе этихъ романовъ къ русской народной словесности и къ предыдущимъ группамъ переводной повѣствовательной литературы. У Пыпина отмѣчены въ этихъ романахъ нѣкоторыя черты, сближающія западные романы съ русскими на-

ропными сказками (231 стр. Мелюзина—Змѣя и царевна—лягушка), съ духовными повѣстями (234 стр.—оттѣнокъ тихой пабожности, католическій благочестивый характеръ повѣсти о Петрѣ Златыхъ - Ключахъ; тоже напр., въ повѣсти объ Оттонѣ 239 стр.). Вариантъ романа объ Оттонѣ — „о Царницѣ и дву сынахъ ея и о львицѣ“, напоминающій по словамъ ученыхъ (Пыпинъ, Очеркъ, 240 стр. и Веселовскаго въ Исторія Р. С. Галахова. I т, стр. 451) французскую народную книгу о Валентинѣ и Орсавѣ, еще болѣе предыдущихъ проникнутъ духовнымъ направлениемъ. Поэтому въ одномъ изъ соловецкихъ списковъ „Звѣзды Пресвѣтлой“ эта повѣсть вставлена въ число главъ чудесъ Богородицы (ркп. № 254, глава 139). Еще ближе къ духовнымъ повѣстямъ стоитъ „Повѣсть правдивая о книжницѣ Альтлорфской“. Мы указывали уже ея отношеніе къ „Великому Зерцалу“ (см. наше изслѣдованіе, стр. 57 и 105).

Однимъ изъ главныхъ элементовъ рыцарскихъ романовъ въ ихъ западной формѣ является любовь, но это чувство, проводимое въ западныхъ романахъ въ нѣжныхъ отношеніяхъ къ дамамъ, въ рыцарскихъ подвигахъ въ честь ихъ, не могло быть понятно въ русской жизни XVII го вѣка. Подобное направленіе могло явиться только при измѣнившихся условіяхъ русской жизни въ XVIII вѣкѣ, когда, дѣйствительно, и являются любовные романы, въ родѣ изданной Л. Н. Майковымъ „Исторіи о російскомъ матросѣ Василии Коріотскомъ“ (Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени, Журн. М. Н. Пр. ч СХСІХ, отд. 2). Это литературное явленіе еще разъ подтверждаетъ извѣстную мысль, что литература есть зеркало общественной жизни извѣстной эпохи, и не привьютъ того къ жизни общества никакіе переводы, чего нѣтъ въ самомъ обществѣ. Въ извѣстной части русскаго общества въ XVIII вѣкѣ измѣнилось и возрѣніе общества на нравственные поступки людей—то и другое отразилось въ повѣствовательной литературѣ (см. въ упомянутой статьѣ Майкова, стр. 218—219).

Намъ остается разсмотрѣть продолженіе польскаго вліянія XVII-го вѣка въ русской литературѣ XVIII-го в. Это вліяніе отражается преимущественно въ нѣсколькихъ печатныхъ сборникахъ XVIII-го в., составленныхъ съ цѣлью доставить занимательное чтеніе (или, какъ выражались въ XVIII в., „для пользы и увеселенія общества“) изъ перевод-

ной повѣствовательной литературы XVII-го в. и русских народных произведений, за отсутствіемъ чисто русской повѣствовательной литературы, удовлетворяющей вкусамъ грамотнаго средняго сословія XVIII-го вѣка. Позднѣе, въ XIX вѣкѣ, эти сборники переходятъ въ число народныхъ книгъ и любочныхъ изданій.

1) Товарищъ разумной и замысловатой, или собраніе хорошихъ словъ, разумныхъ замысловъ, скорыхъ отвѣтовъ, учтивыхъ насмѣшекъ и пріятныхъ приключеній знатныхъ мужей древняго и нынѣшняго вѣка; перевелъ съ фр. и умножилъ *Петръ Семеновъ*, 3 части, 3-е изд. М. 1787 года.

2) Старичокъ-весельчакъ, рассказывающій давнія московскія быти и *польскія диквоины*. Спб. 1789 и 1790 г. (новое изд. 1815 г.).

3) Походженія Ивана гостиннаго сына и другія повѣсти и сказки, 2 ч. 1785—86 г. изд. Новикова.

4) Дѣдушкины прогулки, содержація въ себѣ десять русскихъ сказокъ. 1790 г. Спб. (новое изд. 1815 года).

5) Походженія новаго увеселительнаго шута и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута, Совѣстнаго, большаго носа; пер. съ польскаго и другихъ языковъ, 2 части, Спб. 1793 и 1797 гг.

6) Къ числу такихъ же сборниковъ должно отнести еще „Писемовникъ“, содержащій въ себѣ науку русскаго языка, со многими присовокупленіемъ разнаго ученаго и полезноразсуднаго вещесловія; соч. *Николая Курганова* (1-е изд. 1769 г., послѣ котораго слѣдуютъ еще изданія XVIII, а также и XIX вв.).

Разсматривая содержаніе и направленіе этихъ сборниковъ, прежде всего должно отмѣтить въ нихъ отсутствіе духовныхъ повѣстей, духовнаго направленія; эти сборники имѣютъ отношеніе только къ свѣтской переводной литературѣ XVII-го вѣка (къ „Римскимъ Дѣяніямъ“, „Апофегматамъ“ и особенно къ свѣхотворнымъ повѣстямъ). Но свѣхотворныя повѣсти, какъ и народныя произведенія, согласно литературному направленію XVIII-го в., нѣсколько живѣе вены, или, какъ выразился издатель „Товарища разумнаго“. *Петръ Семеновъ* (стр. 4, изд. 1815 г.) „сдѣланъ выборъ и

не смѣнянть разумный и хоропій смыслъ съ нѣкоторыми *подлыми* мнѣніями и *непристойными* и *общенародными* шутками, обращающимися въ свѣтъ“.

Въ 1-ой части „Товарища разумнаго“ заключаются Апофеогматы XVII-го вѣка „благородныя, замысловатія рѣчи и умныя отвѣты“; рядомъ съ ними помѣщены смѣхотворныя повѣсти, между которыми встрѣчается и извѣстный разсказъ о Матровѣ Ефесской (195 стр. и д.).

Во 2-ой части „Товарища“ идутъ забавныя исторіи, заимствованныя изъ фацецій (напр. стр. 95 — Поггій флорентинецъ разсказываетъ и пр.). Въ 3-ей части попадаютъ уже русскіе анекдоты, напр. о Петрѣ В. и о князѣ Меншиковѣ. *Старичокъ - весельчакъ* (а имѣль подъ руками изд. 1830 г., сдѣланное безъ перемѣнъ съ изд. 1792 г.) написанъ частію силлабическими виршами (до 20-й повѣсти), частію новыиъ стихотворнымъ размѣромъ XVIII-го в. (отъ 20-й до 24-й повѣсти). Первыя повѣсти, изложенныя силлабическими виршами, относятся къ переводной повѣствовательной литературѣ XVII-го вѣка; это и есть „польскія диковинки“ смѣхотворныя повѣсти изъ фацецій и Совѣстдрала (см. Очеркъ Пыпина, стр. 267); многія изъ нихъ перешли въ народныя лубочныя картинки (см. у *Ровинскаго*, Русск. нар. картинки, V т., стр. 527).

Похожденіе Ивана, юстинаго сына, заключающее въ себѣ замѣчательную русскую повѣсть XVII-го вѣка „о Фролѣ Снобѣевѣ“, содержитъ также и переводныя повѣсти съ польскаго изъ фацецій, изъ повелѣй Боккачіо (см. Очеркъ Пыпина, стр. 267, 268, 276.).

Дядушкины прогулки вмѣстѣ съ народными сказками о Иванѣ - царевичѣ, Жарѣ - птицѣ и Сѣромъ волкѣ, о гусляхъ самогулахъ, о Булатѣ молодцѣ) содержатъ и переводныя повѣсти съ польскаго и, между прочимъ, повѣсти изъ „Семи Мудрецовъ“ (Очеркъ Пыпина, 259 стр.). Сюда относятся (по изд. 1815 г.) слѣдующіе разсказы: 2) о пастухѣ и дикомъ венрѣ, 4) о неѣ и ужѣ, 7) о семи мудрецахъ и о юношѣ. Въ этомъ же сборникѣ помѣщена переводная „Исторія о славномъ и храбромъ витязѣ Бовѣ королевичѣ“.

Похожденія Совѣстдрала мы разсматривали уже выше. Прибавимъ только, что вмѣстѣ съ похожденіями Совѣстдрала помѣщены такія статьи, какъ отрывки изъ Бесѣды

трехъ Святителей и изъ сатирическихъ журналовъ XVIII-го вѣка.

Письмовникъ Курганова. Среди 350 рассказовъ, или „краткихъ замысловатыхъ повѣстей“, находящихся въ Письмовникѣ, встрѣчается много рассказовъ, имѣющихъ отношеніе къ переводной повѣствовательной литературѣ XVII-го вѣка, въ особенности къ смѣхотворнымъ повѣстямъ. Последнія, такимъ образомъ, сдѣлались любимымъ чтеніемъ людей средняго сословія XVIII-го вѣка; иначе на нихъ смотрѣли раскольники, которые исключительно цѣнили духовныя повѣсти. И это понятно. Духовныя повѣсти держатся преданіями старины, между тѣмъ какъ смѣхотворныя повѣсти, такъ или иначе, вводятъ въ кругъ современной общественной жизни. Рядомъ съ смѣхотворными, шутивыми повѣстями въ кругъ занимательнаго чтенія средняго сословія въ XVIII вѣкѣ входятъ романы, служащіе продолженіемъ рыцарскихъ исторій, въ родѣ переведенныхъ у насъ въ XVII вѣкѣ. По замѣчанію Пыпина (стр. 291, Очеркъ), многіе изъ этихъ романовъ представляютъ переводы съ польскаго и, такимъ образомъ, служатъ продолженіемъ перелаточнаго польскаго вліянія на русскую литературу XVIII вѣка. Но они не входятъ въ предѣлы намѣченной нами цѣли и притомъ еще отношеніе этихъ романовъ къ польской литературѣ требуетъ фактическаго подтвержденія.

II.

Дополненія и поправки.

Приводимъ въ этой главѣ дополненія и поправки, слѣдуя по страницамъ изслѣдованія. Но мы старались придать нѣкоторую цѣльность этимъ исправленіямъ, откинувши все незначительное, что только бы испостижило замѣтки,

Въ дополненіяхъ помѣщены тексты и пересказы наиболѣе интересныхъ легендъ, преимущественно смѣхотворныхъ и связанныхъ съ „Римскими Дѣяніями“. Въ другихъ замѣткахъ мы старались указать связь повѣстей „Великаго Зерцала“ съ позднѣйшей литературой и народной словесностью.

Къ стр. 10. Приводимъ примѣръ: „Умѣніе вещей искусныхъ отъ писанія ища и тѣмъ себе прельщающе наказанъ есть“ (польск. 2236 гл., Ундольск. 830 г.), въ которомъ осуждается неразумное желаніе премудрости. Въ спискѣ „Великаго Зерцала“ Казанскаго университета этотъ примѣръ отмѣченъ: „о почитаніи св. книгъ“. Приводимъ текстъ по этому списку: „Бысть нѣкій человекъ изряднаго житія, иже зѣло возлюбилъ чтенія святыхъ книгъ. Имѣяше великое желаніе обрѣсти премудрость, но неразумно желаше, ибо возгнушавшися писаніи простыми, начать искати глубину высокихъ и премудрыхъ вещей, и въ подобіи непостижныхъ тайнъ святаго писанія. Но умъ человеческій не могуще только великия тяжести удержати; и не токмо отъ полезныхъ, но и отъ нужныхъ дѣлъ начать преставати и немоществовати премеиваніемъ же вѣтра противнаго обы-

чая, отъ писанія блуженія пачать прилоги взимати иже не хотяше по мѣрѣ разсужденія употребляти. И божіимъ милосердіемъ и явленіемъ наказанъ бысть сей, да болѣе не пребудеть въ томъ. И дабы святыхъ отецъ житія и святыхъ мученикъ побѣды страдалчество и торжество разсуждалъ, и тако по малѣ времени в первый свой чинъ возвратися“.

Въ 154 примѣрѣ (см. часть А), ландграфъ Людвигъ Тюрингскій „мзрядный и ученый человекъ“, однако осужденъ на вѣчныя муки за кальвинистское убѣжденіе, „злое разсужденіе“ о предопредѣленіи.

Къ стр. 12. Мы приведемъ нѣшутливые (смѣхотворные) рассказы, которые встрѣчаются въ русскомъ переводѣ „Великаго Зеркала“. Они имѣютъ особенное значеніе по связи съ фантасмами, народными сказаніями (страстствующими) и съ европейской литературой новеллъ. Интересно прежде всего отмѣтить взглядъ католическихъ проповѣдниковъ на эти шутливые рассказы, которые они вводили и въ свои проповѣди. Въ примѣрѣ, упомянутомъ нами, о томъ, какъ вострепнулись заснувшіе слушатели проповѣдника отъ „празднословнаго примѣра“ (по польск. текстѣ 1514, по моск. сп. 651) объясняется, что „буихъ и суетныхъ повѣстей“ діаволъ бысть правитель, духовныя же бесѣды всегда ненавистны (sic!)... „иже разрушаетъ духовныя бесѣды“, а „неполезнаго есть творецъ“.

А вотъ объясненіе іезуита, издателя „Великаго Зеркала“ на анекдотъ объ упрямой женѣ, приведенный нами: „Potuit enim daemon cuius rabiosa illa femina praeda erat, ipsius articulos in eam formam composuisse“. Следовательно подобныя рассказы, заключаетъ іезуитъ, „valent ad aliquam moralem doctrinam eliciendam... et aliqua applicatio colligi potest“, хотя и „ad ciendum risum effecta videntur“, (въ латинскомъ изд. „Magnum Speculum“ 1718 г., 4 de delectu habendo inter exempla huius libri, cum leguntur. Таково значеніе этихъ смѣхотворныхъ повѣстей, по взгляду католическихъ духовныхъ и іезуитовъ (замѣтимъ, что этотъ взглядъ близокъ къ воззрѣніямъ нашихъ старообръ). Совсѣмъ иное значеніе этихъ рассказовъ въ исторіи словесности и литературы европейскихъ народовъ: одни изъ этихъ рассказовъ, чисто восточнаго происхожденія, повторяются и въ средне-

вѣковыхъ латинскихъ сборникахъ, и въ народныхъ устныхъ пересказахъ, и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ европейскихъ новеллистовъ и баснописцевъ; другіе смѣхотворные рассказы отражаютъ совершенно простую житейскую мораль, чуждую аскетически - мистическихъ воззрѣній на дьявола.

Прежде всего остановимся на упомянутомъ уже анекдотѣ „объ упрямой женѣ“. Мы привели его изъ средне-вѣковыхъ латинскихъ сборниковъ, съ которыми стоитъ въ связи французское *fabliau du pré tondu* и упомянули о русско-й народной сказкѣ того-же содержанія. Но эту русскую сказку нельзя считать заимствованной непосредственно изъ „Великаго Зеркала“, потому что подобныя же сказки повторяются у Сербовъ и Болгаръ (см. *Каравелова* памятники народнаго быта Болгаръ. М. 1861 г., стр. 164 и 81). И такъ у Русскихъ эта сказка породила пословицу: „стриженный, не бритый“, такъ и у Болгаръ — „мъжко-то ѣ напредъ“, „женско-то ѣ напредъ“. У Ровинскаго (Русск. нар. картинки, IV, 252—253 стр.) указаны двѣ лубочныя картинки: одна передаетъ текстъ анекдота объ упрямой женѣ по „Великому Зеркалу“, на другой напечатана басня Измайлова „Упрямая жена“, соответствующая анекдоту. Сюда же можно отнести шутовскую малороссійскую пѣсенку, въ которой жена споритъ съ мужемъ, называя рыбу ракомъ. У Измайлова въ баснѣ жена называетъ утку — гусемъ.

Указанный нами анекдотъ изъ „Смѣющагося Демокрита“ почти съ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и въ „Великомъ Зеркалѣ“, — „чести переменяють нравы“, представляетъ соответствующій рассказъ. Приводимъ его здѣсь. „Венедиктъ Албицій, какъ благородствомъ, такъ и ученіемъ славный молодецъ, пришелъ въ одно время къ своему пріятелю съ тѣмъ, чтобы поздравить его съ новымъ чиномъ. Но какъ онъ, будучи гордостью надменный, притворился, якобы не знаетъ Албиція, то Албицій, вмѣсто поздравленія, началъ слѣдующую рѣчь: по дружеству, которое мы напредъ сего между собою имѣли пришелъ я сюда съ тѣмъ, чтобы изъявить болѣе свое сожалѣніе, нежели поздравленіе о такомъ твоёмъ благополучіи, которое повело тебя до такой чести. Ибо вижу я, что какъ скоро кто нибудь изъ васъ возходитъ на такое высокое мѣсто, тотчасъ злая нѣкоторая фор-

туля отнимаєть у васъ зрѣніє, слышаніє и другія прочія всѣ чувства такъ, что вы не токмо прежнихъ, но и самыхъ себя узнавать не можете“.

На стр. 18 мы привели уже одну шутивую повѣсть изъ Цезарія Гейстербахскаго (см. въ А. 121 гл.) на тему о порокахъ и недостаткахъ женщинъ. Эта повѣсть соотвѣтствуетъ анекдоту объ „упрямой женѣ“. Но есть шутивыя повѣсти, въ которыхъ въставляются добродѣтельныя женщины. Эти повѣсти отвѣчаютъ примѣрамъ, приведеннымъ нами на стр. 73.

Всѣ слѣдующія три повѣсти заимствованы „Великимъ Зерцаломъ“ изъ сочиненія Оомы Кантипратана „Liber Arum“ (по указанію комментатора „Великаго Зеркала“, годъ появленія этого сочиненія 1278. Шмидтъ въ изданіи „Disciplina Clericalis“ въ предисловіи, указываетъ отношеніе этого латинскаго сборника къ восточнымъ рассказамъ).

„О кесаре Гендрике и о женѣ ея, яко не подобаетъ чистыхъ и неповинныхъ искушати“. (См. въ А. 125 гл. Привожу текстъ по моему списку, гл. 103).

Съобщаетъ въ книгѣ своей лѣтописанія Гобелинустъ Генрихъ четвертый кесарь римскій подумевъ от нѣкоего искусити и подати жену свою, его же посла да покуситъ и приведетъ кесареву въ чюжеложство. Посланный же по случаю приелинися словеса к кесаревѣ; нача ей глаголати о семъ: Она же пимало потерпѣвъ отвержи его со гнѣвомъ. но сѣи мпожає налегая, усвоити кесареву желая. Кесарева видѣи сѣи рече ему: повелѣваю ти, егда кесаря въ дому не будеть, прїяти къ себѣ. человекъ же оный ближній възвѣсти о семъ кесарю, яко кесарева сложися на волю его. Кесарь же увѣряя сѣи, умышленно сотворися, яко ѣдетъ во инъ градъ, и слышано бысть яко поѣде. но не изходи из дому своего; възложи на ся онаго, ему же общася Кесарева одежду. ноци же пришедшия, в ложницу кесарева вниде. Кесарева же твердая в нѣрѣ и в любви к мужу: не чая яко кесарь, но онаго прелестника. уготови тоя ноци мужей могущихъ. и приоблече сихъ в женскую утварь потаенно. и повелѣи шѣти по обуху. и егда кесарь к ней яко готовой вниде, она же не позна, чая по одеждѣ слугу онаго и повелѣи бити до смерти, безовсякія милости. и тако похватиша кесаря, и начаша бити: не стерпѣвъ же и возопи жалѣющимъ гласомъ. скажу себе кесаря.

Истор.—ил. фак.

Кесарева же по гласу позна, вскочи от мѣста своего, и изъ его от убійства. И за таковыя его нечестивыя поступки зѣло злорѣчила и поносила. Онъ же таковая творити отречеса: а приведшему его насѣ, повелѣ главу отсѣци“.

„О жень доброчестивой сохранившей чистоту къ мужу своему“. (Польск. 290. см. часть В. „Чистоту любящая жена бабу, иже ю хотяше прелстити, наказа“. 106 гл. моего списка). Убогій нѣкій человѣкъ художествомъ тектонъ, имѣя жену чудныя красоты, паче же краснѣйшу душевными добродѣтелями. На сію красоту нѣкій богатый в житіи, душею убогшій, очесы своими любоплотными и безстудными воззрѣ, и в нечистомъ своемъ сердцѣ сквернаго желанія огнь распали, и много мысли како. уллучити поволи склонности своей и недомысляся инако, точію прекупи бабу нѣкую и посла къ ней, да наглаголетъ ю к сожитію скверному от своего ей мужа со онымъ. баба же нацолненная коварства, злобы и лукавства прииде в домъ цѣломудренныя оныя жены и поздравивъ сѣде у печи, унылыя гласы издая и охая, жадуяся на старость и слабость. младая же вопроси: откуда и чѣго дѣля прииде. баба же притворно рече: не вѣмъ, аще ты не сея дщи матери, иже ми бѣ другивъ любезная, воистинну же и сродница. извѣсти же и имя ея. младая же отвѣща: не вѣмъ рече: аще ты матери моей сродница: имя же ей то есть баба же вскочи объя ю нача цѣловати и плакати, глаголя: воистинну и подобна еси во всемъ своей матери. повѣждь же ми, коея чести мужа имаша; отвѣща младая: добраго человѣка мужа имѣю художествомъ плотника. баба же слыша сіе, велми воздохну охъ рече: како толикаая, и таковыя честныя матери дщи, за таковымъ общимъ имя простымъ человѣкомъ, и ина многая лестная изрекши, отиде печальнымъ же образомъ. в третій день пакы прииде и рече: во истинну печаль моя о тебѣ сокрушаетъ, и не вѣмъ откуда безчестіе сіе улечити, и толикую красоту обогатити. да уже чему не возможно пособити, еже такова мужа имѣти по поне по красотѣ подобную утварь и одежду имѣла. попеченіемъ же сродства зѣло пекуущися о тебѣ преусмотріла откуда сіе тебѣ стяжати. ибо знаю человѣка богатаго и чести великія и высокія по возвыщенію же моему зѣло пекуущася о убожествѣ твоємъ. точію аще ты склоннишия къ воли его, будещи во всемъ имѣти доволство, и паче удобное ко красотѣ твоей. сія слыша всекрасная

она рече: имамъ добраго мужа и люблю его над всяко богатство и славу и любовь его ко мнѣ, паче всѣхъ вещей любославныхъ: реченная же от тебе, ни слышати хочу. иди же съ нелѣпыми сими словесы из дому моего: баба же злобы полная превратися во мнѣ образъ, и нача ю похваляти за сіе глаголы реченныя: и паки приластися ко онѣй. и ублаживъ ю многими словесы лестными отиде. по триехъ же днехъ паки прииде и много ласкавъ со онимъ, слово положи извести ю из дому, еже бы ему нуждею похватити. и рече ей: пойдѣмъ возлюбленная сестрица ко оному храму, ния режнѣи, помодитиса. младая же она и прекрасная, подлога не разумѣ, поиде. и бывшимъ имъ противу дому богатого. восхитиша ю в домъ той нуждею. она же видѣвши себе в таковѣй теснотѣ, разумомъ благородныя души, прелюбави ону злую бабу, и себе отъ чужеложества спасе: склонися ко уху бабы, рече ей: вижду дѣло сіе, возстипну угодное мнѣ, но прилучися по обычаю женѣ. молю тя, любезная моя тетца, избави мя от сего, дондеже очищуся, а́ѣмъ же яво скоро минется. баба же сіе слышавъ, сему увѣри, пошепта овому силнику, онъ же повелѣ ю отпустити, дондеже очиститъ. возвратившижеся в домъ младая она от поруганія своего и безчестія плакавъ, умысли бабѣ: воздати за се, сицевыми образы; наа три юныя и младыя жены, и даде имъ плети и метлы. и егда время бабѣ принти, постави ихъ въ тайнѣй хранинѣ, и замани бабу, повелѣ онимъ мучити сію беа всякія милости, и сама съ ними немщадно мучивъ, еле живу отпусти. Баба же урвавшися нага, по всей улице на рукахъ и на ногахъ бѣжала, и яко свинія верещала. и егда чесого ради от младыя, бабѣ сіе учинялось, челоуѣцы увѣдѣвши, зѣло сіе ублажаху: и тако добрыя онны жены дѣтель по всему граду прославиша. и от сего добрыя славы и чести тѣлико стѣжа, еже нѣмалъ въ богатствѣ и славѣ возымѣла.

Девѣица чистая к лобзанію алекома, за сие же пресвитера ударивъ а ламиту и сие добръ сотворила естъ. (Польск. 1178 гл., по моему списку 641 гл.). Егда быхъ (творецъ глаголетъ) во градѣ Бруксели, прииде ко мнѣ нѣкая девица ница в правдѣ рещи. но зѣло красна лицемъ и лѣпа возрастомъ, со многими слезами и рыданіемъ плаголаше: увы мнѣ окаяннѣй, яко пресвитеръ нѣкій котя ма понудити къ лобзанію. азъ же обративъ ударивъ того, в

авенту, и окривавихъ сго, и за сѣй грѣхъ, глаголетъ іерей, яко конечно подобаетъ ми ити ко вселенскимъ патріархомъ (въ оригиналѣ, конечно, „къ папѣ“) разрѣшенія ради. то азъ (глаголетъ творецъ) едва от смѣха многохъ удержатися. Обаче начахъ подробну глаголати, устрашающе ю, яко бы тажио согрѣшила. наконецъ же хотѣхъ от нея клятвы, да сотворитъ сіе еже повелю. и рекохъ ей: под сею клятвою повелѣваю ти. яко аще той или иный пресвитеръ в лобзаніи или в чемъ иномъ прикосновеніи восхощетъ погнудити рукою, елико ти сила есть, удари и выбей ему око, аще ти сила будетъ. посемъ тожде, никому же чину неоставляй. ибо чистоту блюсти подобаетъ. яко же и живота тѣлеснаго битиемъ симъ, якоже рѣкохъ всѣмъ, иже ту быша. И оную дѣвцу ко смѣху великому и радости приводохъ“.

На стр. 104 мы привели примѣръ „яко не присно намъ бѣсть виновны бываетъ“, въ которомъ проводится иной взглядъ на дьявола, сравнительно съ господствующимъ взглядомъ остальныхъ повѣстей „Великаго Зеркала“. Къ такимъ же повѣстямъ, въ шутиливомъ тонѣ, относится „О юноше, иже моля Господа Бога, да дастъ ему очевидно побѣдiti дьявола и власто дьявола уби юродивую нѣмую дѣвицу“ (см. 54 г. въ А, по моему списку 43 гл.). Егда святый и премудрый Викентій въ наказаніи въ людехъ воспоминаю доблесть великомученицы Іуліаніи. и како в видимомъ образѣ бивъ дьявола вопрошая о всѣхъ козняхъ его. и довелише вси не извѣсти ис под ногъ того своихъ не испусти. Нѣкій юноша дивныя простоты никогда же ни о коей мирской вещи попеченія имѣ, точію души избавленія желая. слыша сія, нача помышляти и Бога усердно молити, да дастъ ему видимо дьявола побѣдiti, да отмицу ему рече: *аже ва насъ в пощи и в дни попеченіе творитъ. и тако помышляющу ему и молящуся изыде в поле едины во особое мѣсто. бѣ же мѣсто оно травнисто зѣло, и той сѣде в травѣ молися Господови Богу, дабы ему спомоглѣ и допустилъ в видимѣй особѣ дьявола побѣдiti. и гдѣ ему молящуся, по случаю изыде на оно мѣсто нѣкая дѣва, имѣя в руку серпъ, да ужметъ на ономъ мѣстѣ травы скотомъ господину, у него же она прибѣная живущи: от рожденія же зорода, и дѣвицею сущи, и бѣ нѣма, власы велицы, и сѣды нмущи, велики же и распростерты, нос великій и лице скураво и необычно гнусно. и великая возрастомъ, в гнусной одежди. та пришедши и узрѣвши юношу в травѣ мчавша,*

пристрашився побѣже, крича велии, словесъ не являюща, яко бѣ пѣма. Юноша же видѣ знаменіе образа неключима и скареда, уже бо и состарѣся, и ꙗко тому уэрѣ, яко серпъ помъ машеть, яко бы ему грозыщу, но всему мещева до! мона быти и рече: услыша Господь Богъ молитву мою и яви ми врага нашего дѣвола, даде же ми, еже сразитися и одолѣти: скочивъ и догнавъ похитивъ ю удари о землю. О пришелъ еси проклятый демоне, пришелъ, но не преможши мя. довольно ти и се, еже невидимыми налогами насть преодолеваша. сія глаголя: за власы ю подымая о землю бѣаше таже пѣсти бити и ногами. пріемъ же серпъ, иже у нея бѣ, лють израни. и уби даже до смерти. егда же ю нача бити, самъ и она кричаше, и на гласы обоихъ стекошася челоуѣцы, и видѣвше юродивую дѣву мертву, начаша его которати. Онъ же исперва радъ бѣ, яко бы дѣвола побѣди. егда же от челоуѣкъ онъ увѣда, яко убитый челоуѣкъ есть и дѣва юрода, зѣло мострепета. его же поемше всадиша въ темницу. извѣщенное же от него возвѣстиша святому Викентію, его же Викентій от безглавія испроси. мертвую же повелѣ привести, и возложи на тѣло рупѣ, призва Господа; и абіе духъ пріи и оживе. повелѣ же іерею исповѣдати ю. предстоящій же рекоша: яко всеу сіе, повеже есть пѣма. Онъ же рече: не ваше се есть, но Божіе: вѣмъ бо яко рѣчисто исповѣсться, и яко прінде священникъ нача все подробну исповѣдати, яко никогда же бѣ пѣма: и возжела пречистаго тѣла и крови младычи и помазанія слез, и посемъ всю себе Господомъ поручивше при всѣхъ сошедшихся на чудо глаголаше и престависи паки“.

На слѣдующей повѣсти (польск. 123 гл., въ А, 113 гл.), изъ отѣла свѣтскихъ шутивыхъ разсказовъ, мы считаемъ необходимымъ остановиться долѣе, такъ какъ она повторяется въ известной баснѣ Крылова „Откупщикъ и Сапожникъ“. Г. Кеневичъ въ „Библиограф. и историч. примѣчаніяхъ къ баснямъ Крылова“ (стр. 81) говоритъ объ этой баснѣ слѣдующее: „По указанію Валькнера (*Fables de La Fontaine*, 1841), содержаніе басни „*le Savetier et le Financier*“ Лафонтенъ заимствовалъ у французскаго писателя первой половины XVI в. *Bonaventure des Periers* изъ его разсказа „*du savetier Blondeau, qui ne fut omeques en sa vie mélancholique deux fois; et comment il y pourveut, et de son épi-*

tarhe". Прежде Крылова эту басню переделалъ на русскій языкъ Сумароковъ, подъ заглавіемъ: „Ремесленникъ и кунецъ“ (жн. V, притчи LV), а послѣ него гр. Хвостовъ. Далѣе Кюневичъ сравниваетъ басню Крылова съ баснею Лафонтена. „Великое Зерцало“ заимствовало, по всей вѣроятности, эту повѣсть изъ средневѣковыхъ „нѣмецкихъ книгъ“, такъ какъ при ней замѣчено „Collector Speculi hujus“ (см. наше изслѣдованіе, стр. 4).

Приводимъ два текста русскаго перевода этой повѣсти по опискамъ перваго типа (В) и по сп. 2-го типа—(А) и текстъ польскаго оригинала.

В. Синодальный, № 100.

А. Соловецкій, № 242.

(Близкій къ польскому
оригиналу).

(Подъ рубрикой—богатый. прилогъ 2.) *Богатіи часто смущаются, а нищіи свободными сердцы крсно поють Господи.*

О богатомъ в непрестанныхъ печалехъ сущемъ и о убогомъ волнымъ сердцемъ Господи Богу в веселіи поющемъ.

Нѣкій богатій имѣяше домъ свой великій слученный со хизною единого убогаго дѣлателя. егда же богатій на мѣстѣ своемъ для хитрости и излишняго попеченія бѣду терпѣше и не можахе спати слыша убогаго веселящагося со дѣтми своимъ, а останокъ ноши в ширѣ снѣгаго и даже рано возбуждаше жена его на дѣло свое. еже слышавше богатій и завидаше веселія его умысли своихъ уныніи причастникомъ того сотворити. вставъ же ношію и отверзъ двери убогаго, повези узолъ денегъ, иже обрѣтъ нищій рано не хотѣше ити на свое общее дѣло бояся да не украдутъ денегъ, или бы востѣи или жена въ познани печаловаше положити ихъ подъ оѣно постели своей притворяся: быти боленнымъ нежаше на оныхъ денгахъ даже умыслити что съ ними сотворити имѣяше

Богатій и зѣло избалованъ нѣкій человекъ, домъ имѣя великій, прилученъ же бѣ стѣною ко хлѣвнѣ убогаго нѣкоего работнаго человека и богатій в величїи дому ои въ размышленїихъ всегдашнихъ приходѣтъ и придобытїя и многого собранїа въ попеченїи храненїа повсечающую печаль имѣя и спати не возмозже, движася убогаго житїю како в хижинѣ своей и в толикомъ убогомъ жителствѣ непрестанно веселится и поетъ со женою и с чады и егда лягутъ спати со всякою сладостїю почиваютъ толико яко егда жена его убудити возмозет да вставъ идет на работу, позавидѣвъ сему богатій зѣло, нача помышляти како бы убогаго веселящагося работника сотворити. и размыслиа много сице умысли, вставъ в ноши прииде полкомъ к хижинѣ убогаго и от-

егда же чрез толико дни бысть в смущеніи и пѣти преста в нощи, приде оный богатый, вопрошаше его, ему же отвѣща жена яко боленъ бысть азъ. богатый же рече азъ абѣ испѣлю его. и приступивъ к нему рече на единѣ возврати ми денги иже на ономъ мѣстѣ удверей взялъ еси, а не возвратиши повелю ти смерти предати. той же боишеся возврати, и приде к первому веселію.

воравъ двери повѣся в нихъ нѣхъ денегъ и отиде. убогій же на обычную работу рано воста и во двѣрѣхъ своихъ нѣхъ сребра охаш, и позна что есть. и урадовася нечаянному приобѣтѣ толикаго сребра: не восхотѣ и на обычную свою работу ити. приде же во многое размышленіе боися да не украдени будут. и нача печаловати еже бы не погубити толикое обрѣтеніе. и нача с мыста на мѣста сребро оно приносити и тамъ и чинаю землю разгребати и подитати и дабы жена его и от той яни да не увѣдѣла и нигдѣ же мѣсто обрѣте яже упокои мысли и мѣры постави гдѣ тыя денги дѣти и тако много мечтуся и шепчюся на оцавѣхъ же приде во свою кхищу и поидоши оныхъ подъ убогую овою соломениую постелю: и разторился проторно, же и велию болѣзнь враде. даже на ономъ сребре да размыслитъ что имать с нимъ творити, и тако премноги дни толико печалію и попеченіемъ одержимъ лежи на сребре болѣзненныя гласы издавая. дабы пѣти и веселитися. сие видѣвъ богатый онъ позна сразу своея печали. иже сему удивляеся приде же ко убогому, во убогій домикъ его вопроши жану гдѣ естъ мужъ ея. она же отвѣща яко мужъ ея зѣло боленъ и лежить во своей кхищѣ. Онъ же отиде. азъ рече видя скорбѣ твоего мужа но вѣтшуся и поидати его видѣ же ехъ хазяцу и приступи ко оному, поити рече и именемъ его нарицаа глаголетъ. Оныя нощи и сего в той часа принесохъ азъ нѣхъ сребра тайно и привѣсихъ во двѣрѣхъ хранили твоея и вѣси яко

взявъ, ади ихъ, возврати ми, а ади,
як же, не возвратиши, увѣщаю судію,
ополасни, тя, да црвдати, обрѣсти
тя. Слыша, сія сиротскія, ода, ра,
ботныи, человекъ, убо,лся, смерти,
вѣда, снгу, словесъ, богатыхъ, вы,
арати, деньги, богатому, і, егда, среб,
ра, не, возмѣ, прише, къ, первому,
всесдію, и, нача, дѣти, и, сдѣла,ко, сдѣти.

Соотвѣтствующая глава" польскаго оригинала 1633 г., гл. 123, *"Bogaty, Pr. IV. Bogacze częstokroć troskliwie się frasuia a vbodzy wolnym sercem wzdiecznie pienie Panu Bogu spiewała."*—Niektory Bogaty y bardzo pieniężny miał dom swoy wielki słaczony z chałupką iednego vbogiego robotnika. gdy tedy bogacz na mieysciu swoim dla chytrości y zbytniego starania vtrapienie cierpiał y nie mógł spać: słyszał też vbogiego v kominka swego weselącego sie z dziećmi swymi a przez ostatek nocy v pokoju spiacego aż poranu ledwie sie go dobudzi żona tego żeby wstał do roboty. Słyszac bogaty y zayzrac mu tego wesela wmyslił żeby go trosk y nadz swoich vczestnikiem vczynił. A wstawszy w nocy y otworzywszy drzwi mieszkania vbogiego zawiesił worek pieniędzy przy drzwiach ktore rano nalazszy vbogi nie chciał isdz na swyklä robotę boiać sie żeby mu nie vkradziono. pieniędzy frasował się tedy żeby sie sasiedzi albo y żona niedowiedziała, że on ie nalazł włożył ie pod słomę pościalki swoiey zmyslając iakoby był chory, leżał na onych pieniędzach ażby sie rozmyslił coby z nimi czynić miał. A gdy przez wiele dni tak był utrapiony y spiewać przestał w nocy przyszedł do nego on Bogacz pytając sie o nim. Żona odpowiedziała że zachorzał: Ia prawi wnet go vzdrowię y przystąpiwszy do niego rzekł mu pocichu: wroc mi pieniędze moje ktoreś na tym, a na tym mieyscu wziął inaczey dam cię obiesic. Ktory boiać sie oddał pieniędze y przyszedł do pierwszego wesela.

Къ стр. 14. *Тезуитскія тенденціозныя легенды изъ миссіонерской дѣятельности ихъ въ Индіи.*

"Великое Зерцало", гл. 561 (польск). Въ Индіи, въ домѣ одного язычника поселились дьяволы и устрашали живу-

щихъ „мечтателями и макостами“. Христіанскій пресвитеръ изгналъ изъ этого дома дьяволовъ и на устрашеніе имъ поставилъ въ домѣ образъ распятія.

В. З; гл. 854 (польск.). Въ Индіи „одинъ отъ невѣрныхъ царскаго рода“ принималъ христіанскую вѣру и отличался такимъ благоговѣніемъ „истиннымъ и совершеннымъ“ и ревностію къ церковной службѣ, что велѣлъ „всякій день, безъ всякаго сомнѣнія“ жестоко наказывать (бить) юношей „любящихъ правіе и не почитающихъ“ церковной службы. Тенденція легенды выражена въ концѣ: „зане у насъ во время пѣнія божественной литургіи и прочаго творятъ сматенія и смѣхотворенія со шептаніемъ и прочимъ неистовствомъ“.

В. З., гл. 1116 (польск.), „Въ западныхъ странахъ индійскихъ, во власти персидской чудо сицево совершился. Цугимъ градъ, нѣкогда нугаровъ, нынѣ же іспаловъ. въ томъ градѣ нынѣ монастырь, откуда пятнадцать дней ходу. Страна есть зѣло великая, гобавитая, богатая, люди храбрѣи и воинственнѣйшіи, широкость ея имать къ себѣ миль пятьдесятъ, къ милью до пяти верстъ русскихъ“, такъ начинается легенда въ русскомъ переводѣ. — Пришли къ этому городу христіане; у одного изъ нихъ былъ образъ распятія. Жители и князь города стали спрашивать объ этомъ образѣ и насмѣхались надъ христіанскимъ Богомъ. „Дивная вещь!“ Когда князь плюнулъ на образъ, всѣ индіане упали на землю и три часа лежали мертвыми, и великій былъ плачь по всему городу. Когда обмершіе очнулись, то князь запретилъ хулить христіанскаго Бога, выстроилъ храмъ для распятія и принималъ христіанство.

Въ южнорусскомъ сборникѣ легендъ „Звѣздѣ Пресвѣтлой“ (см. наше изслѣдованіе, стр. 32) встрѣчаются двѣ легенды, подобныя только что приведеннымъ изъ „Великаго Зеркала“.

„Звѣзда Пресвѣтлая“ (по Соловецк.; списку, № 254) гл. 20: „Лѣта 1541 пріѣхавшу нѣкому учителю во страны индійскія, слѣдуетъ такое же изгнаніе бѣсовъ, какъ въ приведенной 561 гл. „Великаго Зеркала“.

Зв. Пр., гл. 54: „Лѣта 1567 учитель нѣкій во странахъ индійскихъ сѣвangelіе проповѣдуя“, случилось ему идти съ однимъ мірскимъ человекомъ изъ одного мѣста, и пустился дождь „великій зѣло“ (въ той странѣ, замѣчаетъ легенда,

дожди, въ родѣ потопа). Мірской человекъ сталъ размышлять, гдѣ бы укрыться отъ дождя; учитель же сказалъ: „азъ имамъ покровъ мой Пресв. Владычицу мою Богородицу“ и началъ молиться. „О чудо. Дождь по мѣстамъ твоя потопленіе, на нихъ же ни капли едина капу, у ногъ же ихъ источники великіе протекали“. И получилъ миранинъ „велию вѣру“ въ учителю.

Къ стр. 24 и 103. Легенда о монахѣ Феликсѣ, озаглавленная въ „Великомъ Зерцалѣ“ „Небеснаго сладкопѣнія наслаждающагося единъ монахъ отъ птицы чрезъ 300 лѣтъ возвратися (въ монастырь)“ (см. въ оглавленіи части А 217 гл., *Collecter Speculi*, а въ части В—35 гл. „о славѣ небесной и радости праведныхъ вѣчней и како 1000 лѣтъ, яко день единъ“), имѣетъ интересную литературную исторію. Она встрѣчается во многихъ средневѣковыхъ латинскихъ сборникахъ (*Martinus Polonus, Herolt, Speculum exempl.*) въ нѣмецкихъ памятникахъ литературы и въ нѣмецкихъ народныхъ легендахъ (см. *Germania*, 1858 г., № 29, стр. 431—древняя *Predigtmarlein; Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart*, LXXXV—*Schimpf und Ernst von Johannes Pauli*, стр. 562,—„Ein vogel sang eim brüder“; *Hagen* эта легенда пересказана у *Ровинскаго*, Русск. нар. картинки, IV т., стр. 533—534.) Содержаніе этой легенды, какъ она передается въ русскомъ переводѣ „Великаго Зеркала“, вполнѣ повторено въ лубочной картинкѣ первой половины XVIII в. (см. *Ровинскаго*, Русск. нар. картинки, III т., стр. 61—64; на стр. 63, строка 16 сверху надо читать вм. „како жида восокой“—„како живой в сей“). Въ различныхъ пересказахъ легенда эта представляетъ два главные варианта: въ одномъ передается только, что пѣніе чудной птички втеченіе 300 лѣтъ показалось монаху 3 мя часами; въ другомъ вариантѣ легенда начинается съ того, что одинъ монахъ сомнѣвался въ истинѣ словъ Св. Писанія, что „1000 лѣтъ предъ Богомъ, яко день единъ“.

Приводимъ два стихотворенія, передающія легенду о Феликсѣ: одно русское произведеніе XVII-го в., во вкусѣ южнорусской литературы, другое—нѣмецкое произведеніе XIX-го в., во вкусѣ романтической школы. Соловецк. рк. № 1038., л. 7—8.

Сладость небесная.

Инокъ пѣній прилѣжно Богу работаше,
Спасенія бо души усердно желаше.
Помышляя же часто о пресвѣтломъ небѣ,
Умысли благодать ту упросити себѣ.
Да изволитъ часть Господь сладости явити,
Яже святымъ в небесахъ имать дана быти.
И абѣ малъ птенецъ к нему прилѣтъль есть,
И зѣло сладкимъ пѣніемъ искалъ есть.
Иже сладкопѣніемъ иннокъ уголадися.
И откуду бѣ птенецъ много удивился.
Егда же того птенца онъ хотѣше яти.
Птенецъ в блиску пустыни нача улетѣти.
Онъ ему послѣдую с радостию служаше,
И на красоту его прилѣжно смотряше.
Таже сладкопѣвецъ оу во лѣсъ удавоу,
А слушатель пѣнія во своя возвратися.
Нешуя яко токмо часъ единый стояше
И сладости пѣнія птенцева слушаше.
Возвратившеся воѣхъ вещей измѣну,
Града, вратъ обители, жителемъ премѣну.
И дивися самъ в себѣ во обитель идяше,
Но нѣже единого из братіи знаше.
Такожде и братіи оного не знаху,
Откуду бѣ: я почто прииде вопрошаху.
Онъ отвѣща глаголю: едва часъ есть тому
Яко азъ от святого сего зашедь дому.
Сладкопѣніемъ мало птенца насладихся
И пакы во обитель святу возвратихся.
Но дивлюся яко вижду воя измѣненна,
Всѣмъ времени зѣло прейнотворенна.
Братіи дивящеся в недоумѣнь бѣху,
Изумленнаго брата быти непощаху.
Сказаше началнику, иже вопросилъ есть
Кто оному игумену по обители былъ есть.
И кѣмъ с нимъ братіи купно обитаху.
И кѣмъ начальницы в градѣхъ міра бѣху.
Онъ почину сказалъ есть. Тогда принесоша книги
И в нихъ явена бывшихъ обрѣтоша.
Такоже обрѣтешя и ния пришедша
Со сказаньемъ, быти невѣстно отшедша.
И егда тому лѣта бытію сочтоша
Триста лѣтъ с наизмѣстствомъ обрѣтоша,
Оле чюдесе странна, птенецъ уголаждаетъ

Триста лѣтъ яко единъ часъ бываесть,
Аще тако частица душу уладила,
Чтобы в серацѣ сладость устроила,
За ту сладость тысящу лѣтъ Давидъ считаетъ,
Яко день, или яко стражу ночную вѣтняетъ,
Пред очесы Господа, кто убо до нея
Не обратитъ сердца си и души своея
Вы братіе и горестъ всякую терпите,
Да ту сладость дивную в небѣ наследите.

Въ нѣмецкой поэзіи, разсмотрѣнная нами легенда воспроизведена въ новѣйшее время поэтомъ Вольфгангомъ Мюллеромъ (von Königswinter), подъ заглавіемъ: „Der Mönch von Heisterbach“ (см. *Kurz Geschichte der neuesten deutschen Literatur*, 4-ter Band (1874 г.), S. 396.). У Мюллера молодой монахъ сомнѣвается: „er fiest, was Petrus der Apostel sprach: Dem Herren ist ein Tag wie tausend Jahr“. Но у Мюллера нѣтъ чудной птички: монахъ просто заблудился въ лѣсу: „was um ihn vorgeht, hört und sieht er nicht. Erst wie die fromme Vesporglocke schallt, gemahnt es ihn der ernstesten Klosterpflicht“. Далѣе слѣдуетъ то же, что въ легендѣ. Монахъ пробылъ въ лѣсу 300 лѣтъ, воротился въ монастырь и не нашелъ никого изъ своихъ современниковъ; его имя нашли въ старыхъ монастырскихъ книгахъ и прославили чудо, а монахъ тутъ же умеръ.

Къ стр. 24—25. Интересно отмѣтить переводы двухъ книгъ Петра Альфонса, указанныхъ у Шмидта, совершенные въ Россіи Симеономъ Полоцкимъ (Синодальн. ркп. № 289): „Книга Петра Алфонса, родомъ еврейна по обращившагося ко Христу Господу и писавшаго противу Іудомъ (*) изъ языка латинскаго переведенная на словенскій въ лѣто 7188 (1679) в царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ трудолюбіемъ многогрѣшнѣю во іеромонасѣхъ Симеона Полоцкаго“. (Л. 276) „Иже сказаніе о Махаметѣ, и о его беззаконномъ законѣ, взятое изъ книги именуемѣя *Зерцало историческое* Викентія Бургундія, епископа Бельловакенскаго. Преведенъ изъ языка латинскаго на словенскій трудолюбіемъ іеромонаха Симеона Полоцкаго“ (л. 311). На листѣ 303 особая глава „тогожде Петра Алфонса о законѣ сарацинстемъ“.

(*) см. у Шмидта „Dialogi contra Judaeos“, въ которыхъ содержатся свидѣнія о жизни Петра Альфонса.

Из стр. 26 — 28. „Римскія Дѣянія“. Помѣщаемъ текстъ русскаго перевода повѣсти о трехъ царяхъ изъ „Великаго Зеркала“ и „Римскихъ Дѣяній“. „Великое Зеркало“ сп. Казанск. универс., гл. 825. „Три царя имѣющаго въ нимъ вѣру Дуньскаго царя изрядными данми обогатити“. Чтемъ в повѣстяхъ римскихъ. яко царь вѣкій дуньскій во тремъ царемъ яже от востоку вождениемъ звѣзды приидоша и внолиемъ поклонитися Христу новорожденному и дары ему принесоша велию имѣяще къ нимъ вѣру, и оныхъ в помощь свою призываетъ. прииде же въ Колнъ градъ идѣже святая ихъ тѣлеса пребываютъ, и три вѣнца царскихъ златыхъ предивнаго рукодѣлія онымъ принесе. къ сему же богу шести тысячъ талантъ злата на церкви и убогая раздаде великъ прилогъ и ползу вѣры своея тамо вѣрными людьми оставляющъ, во едину же нощь. егда уже въ домъ свой возвратися, узрѣ во снѣ оныхъ трехъ царей во оныхъ вѣщахъ, ихъ же онъ имъ в даръ принесе, со многую свѣтлостію къ себѣ приводящи ихъ, видя и слыша яко кѣждо отъ нихъ особѣ сицевая словеса глаголаше: брате возлюбленне; блаженное пришествіе твое здѣ, выпачеже блаженнѣе яко въ домъ твой возвратися еси. второй же царь рече: брате возлюбленне, много расточилъ еси, но болѣе паче съ собою принеслъ еси. и третій такоже рече: брате возлюбленне; мѣру показалъ еси, но исполниши двадцатъ два лѣта всегда съ нами на небеси будещи царствовать. Тогда первый дарующе ему ковчежець влата рече: прими сокровище премудрости, еи же сущихъ людей подъ властію твоею судити и вѣдѣствовать будещи, ибо честь царева судъ любить. и второй царь ковчежець съ миромъ дарующи ему рече: прими миро покаянна чрезъ неже недостойно и неправедно тѣла на возбужденія удержиши, ибо зѣло добръ той царствуетъ, иже самъ собою владѣти умѣетъ: понеже никтоже другимъ владѣти и воздержавати можетъ, егда самого себе не воздержитъ. третій же царь подаде ему ливанъ благовоніе и молитвы и богобоящиса благодать. чрезъ него же пужныя нищія люди укрѣпциши, ибо якоже роса цвѣты оживляетъ да прорастаютъ, тако сладкая милость царская, даже подданнымъ его возвышаетъ, егда же даръ великому оному видѣнію двлчнчеса, аби отъ сна возмунуть, и оныя ковчежцы или слойки, иже ему три царя в даръ даща, близъ себе положени обрѣе: онъ же даръ

божій с веселием приеми, и во свояси возвратившися. и
вое еже во снѣ видѣ, а божію божією исполни. пришед-
шихже предъ реченныя лѣта и царство небесное прияти
сподобилоя естъ“.

Прежде чѣмъ привести соответствующій текстъ изъ
„Римскихъ Дѣяній“, считаемъ не лишнимъ сказать о Со-
ловецкомъ спискѣ „Дѣяній“ (№ 242, „Великое Зерцало и
приклады отъ иныхъ книгъ). Въ „Очеркѣ лит. исторіи ста-
ринныхъ повѣстей“ Пыпина (стр. 184) высказано предположе-
ніе на основаніи различія русскихъ списковъ „Римскихъ
Дѣяній“ о двухъ переводахъ ихъ. И дѣйствительно, приве-
денные Пыпинымъ „приклады“ (по ркп. Толстовской) и
„приклады“, изданные Обществомъ любителей древнерусской
письменности („Римскія Дѣянія“, 1877—78 г.) значительно
отличаются отъ текста „Дѣяній“, по Соловецкому списку
(всѣхъ повѣстей 25; въ этотъ счетъ собственно повѣстей изъ
„Римскихъ Дѣяній“ не входятъ вставленные въ спискѣ по-
вѣсти „отъ Патерика“, „вопросы египетскаго царя Амасія“
(изъ Апофегматъ), „повѣсть утѣшная о кунцѣ, который за-
ложился зъ другимъ о добродѣтели жены своея“ и „о премуд-
рыхъ дѣлахъ Лва царя“).

Въ Соловецкомъ спискѣ повѣсти не носятъ названій „при-
кладовъ“, самыя заглавія иныя; морализаціи не называются
„выкладами“, а „толками“; языкъ перевода почти свободенъ
отъ польскихъ словъ и выраженій, которыя очень часто
встрѣчаются въ текстѣ, изданномъ Обществомъ л. др. п.
Но вопросъ о двухъ переводахъ „Римскихъ Дѣяній“, все таки,
можетъ быть окончательно рѣшенъ, или указаніями въ ру-
кописахъ, или подробнымъ сличеніемъ русскихъ текстовъ
съ польскимъ оригиналомъ.

Соловец. № 242. л. 200.

*Яко милосердіемъ и любовію ижемы жертву приносимъ
Господу Богу.*

Кралеъ вікій дучскій, иже совершенную любовь къ тремъ царемъ.
иже чрезъ дивное видѣніе звѣзды отъ востока солнца приидоша Христу
поклонитися во иерусалимъ и повороженному младенцу дары своя при-
несоша. Вѣда убо кралеъ той с великимъ добиткомъ до Кенна (Colonia)
приде, ижеже лежать члвкъ въ: и тамо прииде приносѣ жертву тѣмъ
царемъ а честь Богу а хвалу. три віице златыя, прекрасно, и прехудро

состроени, к тому же еще предоброе знаменіе любви еже к нимъ покара-
вшащи шести тысящъ гривенъ сребра разда нищимъ от великаго ми-
лосердія своего. и прикладъ и образъ благочестія ко святымъ остави
всімъ людемъ. егда же уже ему їдущу во свое отечество вѣдѣ в на-
дѣніи на пути тѣхъ трехъ царей к себѣ пришедшихъ в величїи славы
пресїяющихъ. во онѣхъ вѣнцехъ, ниимъ же той ихъ почте, и в даръ при-
несе. слышнѣи ихъ о еданому ихъ когоси до к себѣ глаголющихъ. Пер-
вый и старѣйшїй рече ему, друже любезный благопаче еси азѣ при-
шед. такожде и к дому отидеши, другїй рече много. вдалѣ еси бѣдѣмъ
же сего возмещи. третїй рекъ любителяю божїи показалъ еси достойное
к богу вѣры своей, сего ради приношенїя твоего по 3-хъ лѣтѣхъ имашн
с нами царствовать во царствїи небеснѣхъ. и по семъ первый даде ему
сосудъ полный злата глаголю, прїими сокровище мудрости. имъ же под-
вѣсныхъ имашн праведно разсудити. зане честь царева судѣ любить
второй даде ему сосудъ зчирны глаголю прїими змирну показанїя, еуже
вся плотскїя похоти побѣдиши. третїй же вѣда сосудъ фимїана глаголю
прїими кадїло благовоенїя благодати, еуже имашн подлагати нужныхъ и
бѣдныхъ. зане иможе роса покрываетъ траву. только сладка, благость
кравельска. и даже до небесъ возходитъ. И егда кралю удивляюще о
таковомъ вѣдѣніи возбудился обрѣте тѣ три сосуда на авѣ подѣлѣ себя.
и срадостно дары сія прїи. прїѣхавъ же въ свою землю и еже во
онѣ вѣдѣ со благоговѣніемъ дѣла исправляя и егда прїидеши тридесѣи
и три лѣта в мирѣ скончаша, и прїиде въ животъ вѣчный.

Толкъ. Братїя возлюбленная. Той краль всѣхъ кїждо вѣрный хри-
стіанинъ. иже долженъ принести в даръ три вѣнцы, тремъ царемъ еди-
ному же стѣ Богу Отцу и Сыну и Святому Духу. Отцу должны возда-
вати вѣнецъ хвалы, яко крѣпокъ есть. и мощенъ богатити и оубожити.
и той вѣнецъ приносимъ ему в даръ тогда, егда общаеми на престо-
нїа. отрицающися діавола и всѣхъ дѣлъ и воли его, гордости и протчихъ,
второй вѣнецъ мудрости и надежды долженъ еси принести в даръ Богу
Сыну. зане есть снѣгъ слово и премудрость и за насъ претерпѣи во че-
ловѣчествѣ сего ради должны есмы в немъ надежду имѣти живущую.
первое зане тако возлюбн наръ, иже снѣгъ с небесъ в челоуѣчество на
ся воспрїи и за насъ брасъ во страданїя своиѣ и побѣди діавола.
Третїй вѣнецъ любви воздати имамъ Богу, Духу святому. зане онъ любѣмъ
есть отча и сыновнїа і наліянїе благодати, а яко тацїи жертвы и бла-
годати требуетъ от насъ Богъ свидѣтел вѣренъ самъ Спаситель нашъ.
любимъ хошу рече и не жертвы. и аще будемъ сія три дары честнѣмъ
сердцемъ и благоствїю совершенномъ всегда приносити. тогда сугубо прїи-
мемъ от Отца и Сына и Святаго Духа единство Бога. От отца сокровище
добродѣтели, нїже можетъ духъ и тѣло отрица. от діавола. От сына
прїимемъ сосудъ зчирны, сосудъ разумїи, истое сердце от грѣковъ.
Знаемъ же, покаяніе зане онъ Свѣдѣтель и прїимитель нашъ житїе каю-
щихся на крестѣ показа и просїиши у него благодать дасть. От духа
святата прїимемъ кадїло благочестїя. зане онъ от себе словъ крѣпость

и благодать даетъ. еюже бываемъ мы благочестивы и благовѣрны, и всякія благодати исполнены за не благоувѣтливъ еяже щедротами грѣхи наша иже сотворихомъ в покаяніи заглаждаются.

Примѣръ „Великаго Зерцала“ — „какъ бояться суда Божія милосердный ижекоторый царь научи“, отличается отъ текста „Римскихъ Дѣяній“ тѣмъ, что не имѣетъ начала, по которому въ изданіи Oestirley'я онъ называется — „To-destrompete“. Вотъ это начало: „Quidam rex erat, qui statuit pro lege, quod quicumque subito mori deberet, mane ante ortum solis ante domum ejus tubas canerent, et statim talis vestibibus nigris se indueret et sic ad judicium veniret. — Ille rex convivium fecit et omnes nobiles satrapas regni vocari fecit, qui omnes venerunt. In quo convivio erant omni genere musicali periti, qui magnum solacium convivii fecerunt et suavi melodia“, но царь не показывалъ никакихъ знаменъ веселія и пр. — дальше то же, что и въ „Великомъ Зерцалѣ“.

Въ „Вѣнцѣ Христовомъ“ Радзивилловскаго та же легенда приводится, согласно съ текстомъ „Великаго Зерцала, изъ „Дисциплинуса в словѣ 53. На второк свѣтлой недели“ (стр. 433, по изд. 1668 г.).

Приводимъ текстъ легенды изъ „Вѣнца Христова“: „Пишется в исторіяхъ о единомъ царю, который вѣгда, albo рѣдкося коли рѣшѣдъ, але завше былъ смутнымъ, кнзави и селаторове видячи тро, просили брата царева, абы пыталъ царя, чему бы былъ завше смутнымъ?“ (Царь велѣлъ выкопать ровъ, наполнить „огнистымъ“ углемъ, поставить надъ нимъ кресло) „барзо з'старѣлое и зопсованное, надъ которымъ на тонкой нитцѣ завѣсилъ мечъ острый добытый и поставилъ столъ близъ рова обставивши оный дорогими потравами и напоями. Потымъ, призвавши брата своего за такъ приготованнымъ столомъ посадилъ его и чѣтырехъ ридеровъ около него поставилъ з добытыми мечами з которыхъ одинъ добытый мечъ держалъ за нитъ, другій предъ нимъ, третій з правой, а четвертой з лѣвой его стороны“ (велѣлъ слугамъ играть) „на кумовалѣхъ и оргавалѣхъ и на чинилѣхъ музыкальныхъ инструментахъ, и реклъ царь брату своему! радуйся и веселися брате мой, ибѣ, ий, и будъ веселити. а братъ на тое отповѣлъ: яжи ся маю радвати“.

Изъ стр. 28 о статьѣ изъ русскаго пролога — „слово,

яко не достойтъ ити отъ церкви, егда моютъ" надо до-
бавить слѣдующее: „Слово“ это вполнѣ напечатано въ „Па-
мятникахъ Старинной Русской Литературы“, I т., стр. 81—
82, подъ заглавіемъ: „Повѣсть о благочестивомъ рабѣ“. Про-
ложнос „слово“ отличается какъ отъ „Римскихъ Дѣяній“,
такъ и отъ „Великаго Зерцала“ началомъ разсказа: „иже
древле бысть, се повѣда намъ нѣкто отъ невѣрныхъ (изъ
печатномъ Прологѣ 1702 г. „отъ вѣрныхъ“); бѣ мужъ есѣрь
богобоязливъ и той сына имѣ единого и бѣ во странѣ той
гладъ крѣпокъ“. Отецъ предложилъ сыну: „хощеши ли да
тя продамъ“. Сынъ согласился; отецъ продалъ его „единицу
отъ вельможъ“ и далъ заповѣдь не отходить отъ церкви,
гдѣ поютъ или служатъ — отсюда и заглавіе проложной
повѣсти. Точно также совершенно иначе мотивированъ
гнѣвъ господина, и самая казнь слуги — иная: „отсѣченіе го-
ловы“. Съ проданнымъ сыномъ случилось почти то же, что
съ Іосифомъ Прекраснымъ. Онъ увидалъ „госпожу свою тво-
рящую блудъ со слугою“, а она, какъ жена Пентефрія,
оклеветала невиннаго раба предъ своимъ мужемъ. Далѣе
слѣдуетъ то же самое чудесное спасеніе юноши, промѣдив-
шаго въ церкви, и погибель клеветника. Мы не видали во-
сточныхъ разсказовъ этой повѣсти, но думаемъ, что пере-
сказъ Пролога, заимствованный изъ Патерика, стоитъ бли-
же къ восточнымъ разсказамъ, чѣмъ пересказы „Римскихъ
Дѣяній“ и „Великаго Зерцала“, окрашенные рыцарскимъ ха-
рактеромъ и связанные съ культомъ поклоненія св. Дѣвъ
Маріи.

Буслаевъ въ „Историческихъ Очеркахъ Русской На-
родной Словесности“ (т I, стр. 448—449) передаетъ соот-
вѣтствующую средневѣковую повѣсть изъ сборника, издав-
наго Пфейферомъ (Predigtmärlein, по ркн. XV в.), и срав-
ниваетъ ее съ русской народной сказкой о *Маркѣ-Богатомъ*.
Сказка передаетъ только погибель Марко Богатаго, вмѣсто
зятя, для котораго Марко и приготовилъ горячій котелъ, во
зять спасся тѣмъ, что остался дома по болѣзни. Такимъ
образомъ, въ сказкѣ, если только она произошла изъ того
же источника, что и средневѣковые пересказы, измѣнено
отношеніе лицъ, нѣтъ христіанскаго мотивированія спасенія
невиннаго — молитва въ церкви и нѣтъ причины казни —
клевета въ предубодѣяніи. Гораздо ближе къ средневѣко-
вымъ пересказамъ стоитъ указанное нами стихотвореніе

Шиллера „Der Gang nach dem Eisenhammer“. Отмѣтимъ „подражаніе“ Шиллеру у Жуковскаго — „Судъ Божій. Повѣсть, подражаніе Шиллеру“ (Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 7 ое, томъ 3-й, стр. 41—46). Но этотъ „Судъ Божій“ Жуковскаго отличается отъ „Фридолина“ Шиллера только заглавіемъ (ср. въ Полномъ собраніи сочиненій Шиллера, изд. Гербеля Спб. 1875 г. I т., стр. 74 и 640). Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ примѣръ „Великаго Зеркала“, который стоитъ въ связи съ повѣстями „Римскихъ Дѣний“. Мы приведемъ его вполне изъ того и другаго сборника. У Oesterley'я (Gesta Romanorum 1872.) онъ названъ: „Drei weisheiten' vorkaufen“ (103 примѣръ). Параллели къ нему у Петра Альфонса, въ 40 видѣніяхъ, въ средневѣковыхъ сборникахъ. у Ганса Сакса, а „Великое Зерцало“ заимствовало у Томы Кантипратана.

Казанск. универс., гл. 589. (польск. 693).

Царь купи премудрость у философа и тако прелести и смерти убѣжа.

Юноша нѣкій благородный и зѣло искусный по царѣвѣ взыде на престолъ и приключися во градѣ царствующемъ быти ярмаргѣ. Царь же незнаемо с нѣколикими бояры лавки обхождаше смотряючи на купли. Узрѣ же человекъ единаго постоянного и древняго на мѣсте сидящаго вопросы того царь кто ты еси, и что продаеши; отвѣща той мужъ глаголюще: есмь философъ, премудрость еже продаю. На сіе же царь возрадовася. и разсмѣявся рече: многоли продася на талантъ злата. И философъ рече: за сіе злато только ти едину продамъ, да еже егда соблюдеши, зѣло есть благо и царствомъ можеши владѣти. Не глаголи ничтоже, и не разсудя не твори: прежде разсудивши, да помыслиши что по семъ будетъ. Аще ли восхощеши вящши, злата да даси. По семъ, егда прочіи поругахуся: царь же паче оныхъ слова разсуждаючи, философъу злато дати достойную мзду: оное же ученіе повелѣ в палатахъ на столпахъ, и надъ дверехъ и на златыхъ чашахъ и на убрусѣхъ написати. Царь же въ премудрости преуспѣваючи, умысли на сие, дабы представить и сократити гонение и угѣсненіе, ниже угнетазу благороднѣйшии нищихъ и богатіи сожителей и гражданъ и тако хоташе царь сие сотворити, царство же мирно управ-

ляти. и сего ради начальнѣйшій воставше на царя: яко же сего сотворити не восхотѣша, боящеся граждан не смѣюще. и научиша, дающе многу изду бритвачю, иже егда начнетъ главу царю голити, дабы заклан бритвою, егда же царь сѣде голити главу, бритвачь же узрѣвше на убрусь, егда царь около выи имѣяше сия слова написанныя: ничтоже не начинай не разсмотря, даже прежде разсуди, что по сему будетъ. той же смысленія своего лукаваго устрашившися, блѣдъ лицемъ бысть. и начать трастися рука его. сие же царь узрѣвши, вины и смятениа его вопрошающе: бритвачь же въ словесѣхъ лукавновати и мыслити начатъ. сие же царь познавше, повелѣ мучити, и списа правду. Царь же избавльшеся от смерти во истинну позна, яко лучше есть премудрость паче всѣхъ иныхъ богатствъ, и все еже имать быти желаемо с премудростию не можетъ сравниться.

Этотъ примѣръ о „премудрости“ заимствованъ „Великимъ Зерцаломъ“ изъ Оомы Кантипратана.

Въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“ философъ продаетъ *три* премудрости и, соотвѣтственно этому, съ царемъ проносятся *три* несчастія, отъ которыхъ онъ освобождается тремя премудростями. Въ изд. Oesterley'я эта повѣсть составляетъ 103 главу: „De omnibus rebus cum consensu et providencia semper agendis“ (431—434 стр.) Приводимъ текстъ „Римскихъ Дѣяній“ по соловецкому списку за № 242.; 287 гл.

«О благоуми, да с размышленіемъ вся творимъ. яко днѣ людемъ суть. Цесарь Дометіанъ славенъ и зело мудръ. иже праведно господотвуя, всякое же зло пресѣкая. сего ради людѣ зело врауномоуженъ в правленіи его. и нѣкогда приде нѣкій купецъ ко граду тому. ижеже Дометіанъ царствую. в толинуу у вратъ града. вратникъ же отвори оконцѣ. вопроси его что ищещи. рекъ купецъ: азъ съмъ купецъ и инии нѣкіе драгіе вещи удобны чести цесаревой. Самиа сіа вратникъ звети его во градъ. Тогда пришедъ купецъ к цесарю рече здравъ буди Дометіане непреодоленый цесарю. азъ убо пришедъ к тебѣ доумѣвъ ноея продати нѣкоторыя достойныя ти вещи. вопроси его Дометіанъ кіа вещи ииаша и коликою цѣною. Отвѣща купецъ зѣлю самодержавный цесарю вродати три мудрости, рече ему цесарь кую имуть цѣну тия мудрости. купецъ рече тебѣ отдамъ токмо по тисюмъ златыхъ. рече цесарь. аще же не будутъ потребны те цѣны ихъ. повиновать рече купецъ, аще не будутъ тебѣ потребны азъ цѣну возаращу. рече цесарь добръ рекъ но повѣжди ми. кую сѣлу или кое дѣло имуть тия мудрости. тогда купецъ нача ему объявляти тия мудрости. в рече, первая мудрость. аще что хочещи творити, премудро твори, а три концѣ: иже-

ради мудрости. Дорога ніколи не оставляй ради прехожденія стезею. Пречіа мудрость, идѣше аще в коємъ дому или гдѣ мужъ старъ а жена млада нікогда не начюй. сія три вещи храни и добро тебѣ будетъ. услышавъ мудрости царь даде ему за куюждо по тысяща златыхъ. і первую мудрость. что твори премудро, а зри конца. повелѣ псати во своихъ чертозѣхъ всюду и по всѣхъ стѣнахъ и мѣстехъ идѣже ходилъ і на убрусѣхъ и покрывалѣхъ. посемъ не влозѣтъ времени. праведного рада правленія его, согласишася ближніи его убити его. но не могла собою сего сотворити. но налаголаша стригаща цесарекого и даша ему щѣну. да егда будетъ голити цесаря. дабы ему горло пререзалъ. стригаща: не воспримѣть отъ нихъ отъкази сотворити обѣщася. егда же пріиде время, егда нати стригачъ голити цесаря, и токимо бы заклать, возрѣ на оно написаніе иже написано ѿ на наручникѣ. еше аще твори премудро твори а зри конца. Прочетъ размышляя в себѣ глаголя. Нанять есмь дабы такового государя убилъ. Но аще сія сотворю то и самъ погибну повсюсю смертію. и сему дѣлу злый конецъ будетъ. и начаша руцѣ у него дрожати тако яко и бритва испаде изъ руку. видѣвъ сія цесарь рече ему что ти бысть. отвѣща милостивый государю убо нанять есмь, дабы ты днесъ убилъ. но егда прочтохъ написаніе сіе иже на убруцѣ, познахъ абіе, яко конецъ сему. мнѣ самому алая смерть. того ради руцѣ мои воздрожаша, но умилосердися надъ мною. услышавъ еше Дометіянъ возрадовася рече благодарю Тя Боже, яко первая мудрость сохрани здравіе мое. благословено и время то в немже дахъ благодарю. а: во: в рече стригаща прощю ты нынѣ к тому на таковая не держай. По семъ видѣвши цесареви ближніи яко не возмогоша его сще погубити. мысливше много рекоша во грядущій день поедетъ цесарь в малѣ числѣ людей до сего мѣста. заступимъ ему на оной стезке, а покажемъ ему яко сего муть ближе. и тако его убьемъ, и похвалывше вси сію думу. уготовавшася ванъ когдаже цесарь Дометіянъ ѣха ко оному мѣсту. і пріѣха до оной стезки. и рекоша ему. яко лутше есть и ближе муть сего стезкою: неже самою дорогою. цесарь же напаметовавъ вторую мудрость. иже не оставилъ пути дороги стезки ради хотя ю искушати. повелѣ стажкою ѣхати сямъ, иже ему ѣхати рекоша а дождати себѣ, а данъ возде великимъ путемъ. и егда нмѣ стезю ѣхавшимъ. посланныи отъ нихъ на убіеніе цесаря, мнѣвше быти ту цесарю, побывше мхъ, возвративъ цесарь благодарствуя Бога возрадовася яко и вторая мудрость сохрани здравіе его. паки хотящій убити его превдоша на нну мысль рекуще: а себѣ, аще сего хитростію не забыхом его. в сіе время, паки поидеть а сіе мѣсто отношати ему въ дому идѣже великия станы чинахъ. денеже того дому потребиле нѣсть. Найменьъ дома господина и господина когда цесарь станеть. одречивать. что бы насъ тогда пустилъ и ны убьемъ его. ту. а в томъ дому про него же ты глаголаху мужъ старъ а жена млада. и тако совѣщавша тако и сотвориша дому того мужа и млада сплести себѣ егда уопеть цесаря наизна. а когда пріѣде Дометіянъ до оного мѣста станеть. во ономъ дому: неждаль, яко ближніи ему вѣща-

лише, повелѣть призвати предъ ся домовыхъ мужъ і жену. виде же мужъ стара а жену младу возвоиниу третію мудрость яко не лачишъ вѣдѣти: сьведѣ и дѣже мужъ старъ а жена млада. рекъ своему постельничему: пренеси скоро отсюду на нѣнъ дворъ. здѣже не буду азъ почивати. рече ему постельничей. государю милостивый уже здѣ все добрѣ уготовано. і во всемъ мѣсте семъ сего покою лучши нѣтъ. глагола цесарь, глаголю ти яко не хочу здѣ почивати. услышавъ оіа постельничей пренесе ложе и вся на нѣнъ дворъ. и цесарь прѣѣха. а в дому томъ повелѣть нѣкимъ двора своего оставшимся ночевати и прѣити к себѣ рано. и егда оставльшиися уснуша тогда демоу мужъ вставши со възникшии цесарскими побѣша оставшихся спящихъ ижеже о немъ бати: цесаря. На утрѣ же обрѣте цесарь своихъ воиновъ. рекъ в себѣ: аще бы и азъ с ними в томъ дому былъ, такоже и азъ убитъ былъ. и рече хвалю тя господи яко и третія мудрость соблюде: адріана цор і во семъ повелѣть за возмѣну того старого мужа и младую жену казнить злою смертію. но семъ государствовалъ безо всякаго противленія и дондеже живъ былъ тыя мудрости зѣло соблюдалъ, и потомъ в мирѣ сконча живот свой.

Далѣ слѣдуетъ обычный въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“ „толкъ“.

Толкъ. Возлюбленная моя братія. — по печатному.

[Выкладъ сирѣчь толкованія сіа повѣсти — замиселъная братія]

Цесарь той можетъ нарещися кждо истинный христіанинъ иже владоу имѣтъ надъ плотію, и надъ душою водитъ ихъ. вратникъ у вратъ самоволье, зне всякъ грѣхъ самовольный есть, купецъ иже прѣиде ко вратамъ, спаситель нашъ Іисусъ Христосъ. По святому Іоанну во адоколаніи таинственно азъ стою у дверей і толкну. Отвѣраетъ ли мнѣ кто вниду к нему і вечераю с нимъ. той пренебеонный купецъ по душе твоей пролаетъ тебѣ три премудрости суть драгія, добродѣтели яко златця. первая мудрость та есть, иже хоцеша творити твори премудро. се есть прежде разсмотри. яко да будетъ ради Бога все во вѣхъ дѣлахъ твоихъ. аже въ духовныхъ такоже і в мирскихъ, а смотри. конца. то рече пошней послѣдняя своя і во вѣки не согрѣшаши. вторая мудрость есть, не оставилъ пути ради стѣжки, путь есть десяти заповѣдей Божіихъ: иже всегда держатися подобаетъ даже до смерти. Не хдиши же стѣзю житія злаго, яко не боящіяся Бога творять. третія мудрость, не имай никогда у старого господина иже имать жену младу. Старой дому господанъ се есть миръ сей. имать жену младу то есть суеты, изъ нихъ же исходятъ всяческая суета суетовій і убиство души. того ради аще кто будетъ у того пощевати се есть в мирѣ семъ в немъ любя его пребывати, не убѣжитъ вѣчныи смѣрти. всякъ бо не можетъ рабъ быти Богу и миру. а иже сложилися на цесаря, то діаволи, иже всегда хотять убити невидимо прелестію человека. і аще не возмогутъ собою, то слагаются со стригачемъ, се есть с плотію, иже есть яко власоголитель. або аже стригущіи голить власы, такоже и плоть долю своимъ голить добродѣтели иже пріа человекъ на святохъ крещеніи: но да зрѣтъ

человѣкъ своимъ кончину, снрѣчь смерть. како имать упрета. Когдаже и гдѣ и како. и тогда да удалится отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ и начинаний. да преходить же добродѣтели. и тако наслѣдитъ животь вѣчный пресноблженный.

Къ стр. 30 — 31. Неправильно сказано, что „переводъ 1633 г. былъ третьимъ“. Изъ обширнаго заглавія польскаго изданія „Великаго Зерцала“ 1633 г. видно, что редакторъ его считалъ первой передѣлкой „Speculum Exemplorum“ — „Великое Зерцало“ Іана Мажора, вторымъ редакторомъ — польскаго переводчика, Сумона Wysockiego, а третьимъ — дополнившимъ и исправившимъ изданіе Мажора (?) — себя — Іана Lesiowroskiego. — У *Locher'a* (*Obraz etc.* 2., 348 стр.) указаны три изданія польскаго „Великаго Зерцала: 1) 1621 г. w Krakowie, 2) 1633 г. и 3) 1690 г., подъ заглавіемъ „Zwierciadło przykładow“ etc, I, II tom. w Kaliszu w druk. Koll. S. I. R. Слѣдовательно, изданіе 1633 г. было вторымъ польскимъ изданіемъ. На стр. 42 — 43 у насъ упомянуто о примѣрахъ, опущенныхъ въ русскомъ переводѣ. Приводимъ нѣкоторые особенно выдающіеся примѣры, по своему рѣзко католическому характеру, опущенные въ русскомъ переводѣ.

177 и 178 м. — Изъ Бонавентуры „Contemplacia S. Franciszka“.

200 м. — Pius II Papież w troiakiey koronie, y w prozeiasnym ubiorze niesion był do nieba.

201 м. — Iacobus de Vitriaco Kárdynal był niesion do nieba, ale aż po trzech nocy y dwu dni w czyscu wytrwaniu.

394 м. — Изъ Длугоша — „O nabożney wdziecznosci Krola Polskiego Bolesława ku Panu Bogu.“

399. — Такое же дополненіе изъ польской исторіи.

601. — Kapłan; 503 — Kaplanskie święcenie.

512. — Koranie abo Disciplina Koscielna.

519. — Kartuzyanski Zakon.

576. гл. Подобное предыдущему дополненію изъ польской исторіи.

629—663 гл. Легенды о св. Дѣвѣ Маріи.

1158 гл. и далѣе — Odrust, индугенціи.

1174. — *Odszczepienstwo. O wypadku Grekow... od Kościoła Rzymskiego.*

Послѣдняя глава вполне объясняетъ пропуски въ русскомъ переводѣ; этой же главой, можетъ быть, объясняется вставка русскаго переводчика, какъ бы защитительной статьи — „Церковь восточная“ (см. наше изслѣдованіе, стр. 43.).

Къ стр. 78—80. Повѣсть объ Удонѣ.

Въ Соловецкомъ спискѣ № 239 вѣтъ сллلابическихкихъ виришей въ указанномъ нами мѣстѣ: „Иже философскому учению прилѣжа, къ прелятію же науки толь косенъ разумъ имѣяше. яко ни мало пошествія во ученіихъ сотворити можаше и того ради отъ учителей часто бѣненіе претерпѣваа“. Вѣроятно вириши появились позднѣе перваго перевода „Великаго Зерцала“. Кромѣ того, къ нашему пересказу должно добавить слѣдующее. Передъ первымъ видѣніемъ іерея въ церкви св. Маврикія: „дивная и истинная вещь повѣствуетъ о ней же, аще бы Сасовѣ, у нихъ же содѣяся, сіе умолчали, каменіе бы возопило“. Имя другаго іерея, видѣвшаго сонъ духовъ, Брунъ.—Повѣсть оканчивается разсказомъ, что на бѣломъ мраморѣ, на полу церкви св. Маврикія, сохранилась кровь Удона, мѣсто это прикрыто коврами; когда поставляютъ новаго епископа, то онъ, при пѣніи „Тебе Бога хвалимъ“, припадаетъ къ тому мѣсту, гдѣ пролита кровь Удона, дабы памятовать его страшную и ужасную смерть“.

Мы указали, что въ спискѣ Барсова вставлена послѣ повѣсти объ Удонѣ соотвѣтствующая ей русская повѣсть „о пресвитерѣ Тимофѣѣ“. Въ спискѣ Казанскаго университета, послѣ известной повѣсти о Фридолинѣ (см. наше изслѣдованіе, стр. 27—28 и дополненія къ этимъ страницамъ вставлено встрѣчающееся только въ нѣкоторыхъ спискахъ);

„Великаго Зерцала“ (Синодальн. № 101, гл. 660; Ундольск., гл. 850; Казанск. унив. гл. 843), „Сказаніе о нѣкоемъ купцѣ во Иверскомъ царствѣ и о сынѣ его“. Дѣйствительно, въ этомъ „сказаніи“, какъ и въ повѣсти о Фридолинѣ является юноша, оставшійся нищимъ и убогимъ, по смерти отца, по съ его благословеніемъ — „иконной“ Божіей Матери; юноша терпитъ несчастія, но икона спасаетъ его. Вообще можно замѣтить, что многочисленныя древне-русскія „сказанія“ объ *иконахъ* Божіей Матери соотвѣтствуютъ циклу западныхъ легендъ о св. Дѣвѣ Маріи. Можетъ быть, благодаря древне-русскому вострому къ иконописнымъ представленіямъ Божіей Матери, въ русскій переводъ „Великаго Зерцала“ не попали многочисленныя легенды о св. Дѣвѣ Маріи, которыя болѣе связаны, если можно такъ выразиться, съ скульптурными представленіями Божіей Матери на Западѣ. Въ замѣнъ этихъ выпущенныхъ главъ изъ польскаго оригинала „Великаго Зерцала“ русскіе редакторы его дополнили сказаніями объ *иконахъ* Божіей Матери (напр. въ спискахъ Тихонравова, Буслаева. См. у насъ, стр. 45.).— Приводимъ начало „Сказанія о нѣкоемъ купцѣ во Иверскомъ царствѣ“ (по сп. Синод. № 101, гл. 660). „Бысть нѣкій купецъ славный во Иверскомъ царствѣ богатъ вельми, имѣяше сына единого млада суца. и разболѣся той купецъ болѣзнію смертною и раздая нищимъ имѣнія много множества богатства и церквамъ Божиимъ, а прочее оставя сыну своему злато и серебро и все имѣніе свое. и приказалъ сына своего сродникомъ своимъ соблюдать и яко преставися мужъ той сыну же жити наченшу. Прикащики же тѣ злочитръствомъ своимъ, единъ по единому начаша имати лучшія вещи отъ живота (въ др. сп.—отъ имѣнія) его. Отроку же еще во младауміи суцу и не могущу возбранити има и разграбаша весь животъ его злато и серебро и сосуды и вся запасы и иконы. Бѣ же у него икона пр. Богородицы вельми чюдно и изрядно обижена златомъ“. Юноша опустилъ икону „на воду, на море“, а самъ отправился во св. гору; туда же приплыла и икона и была поставлена въ монастырь. Юноша проситъ икону, но его изгоняютъ изъ монастыря; за нимъ скрывается и икона; слѣдуетъ чудо — монахи нашли юношу спящаго на полѣ, а надъ нимъ въ воздухѣ висѣла икона. Послѣ того юноша былъ принятъ въ монахи.

Къ стр. 81—97. Синодики.

Кромѣ того, что извлечено у насъ изъ синодиковъ для опредѣленія значенія ихъ, можно добавить слѣдующее. Важное значеніе синодиковъ доказывается не только „смышленіемъ апостоловъ, патріарховъ, отцовъ церкви“ о поминовеніи въ домахъ и въ церкви умершихъ, но и таинственнымъ представленіемъ небснаго синодика — „книгъ животныхъ“, въ которыя ангелы „написуютъ имена вписавшихся въ синодикъ св. храма“ и поминаемыхъ священникомъ во время божественной литургіи или панихиды (синодикъ Москов. Публичн. Музея, № 1105). Такова, по выраженію синодика, связь „земнаго съ небеснымъ“. Назидательное направленіе синодиковъ захватываетъ почти всю человѣческую жизнь (въ синодикахъ помѣщается сказаніе о возрастѣ человѣческомъ, въ которомъ жизнь человѣческая дѣлится на восемь седмиць. См. у *Ровинскаго* V т., стр. 175 — 176.), сводя ее къ представленіямъ „разлученія души человѣческой отъ тѣла, смерти грѣшнаго и праведника, страшнаго суда и грознаго пришествія Христова“. Въ этомъ смыслѣ синодикъ, подобно Домострою, учитъ „какъ жити христіаномъ въ законѣ и како поминаемымъ быти душамъ христіанскимъ“. Синодикъ (изъ ркп. Ундольскаго, № 1099, Москов. Публичн. Музей) начинается словами: „поминай родъ свой, чти по вся дни въ церкви или въ дому предъ святыми, а не мози брате заложити то суть правило станешь ясти, обѣдати или оужинати и помяни свои родители на имя“.

На стр. 83. Отрывки изъ синодика приведены по рукописи Общества Любителей Древнерусской Письменности № 391, инвентарь №XXI.—„Общая память“ въ своемъ полномъ составѣ напечатана А. Н. Пыпинымъ въ первомъ изданіи „Старообрядческаго Синодика“ (стр. 360 по Запискамъ Академіи Наукъ). Въ этой „памяти“ упоминаются, между прочимъ, „въ *скудельницахъ* лежащіе“. Скудельницами назывались въ древней Руси общія мѣста для погребенія бѣдныхъ. Около Москвы находилось „село скудельное“, на которомъ въ седьмую недѣлю по Пасхѣ собирались старинные русскіе люди, радѣвшіе о спасеніи, рыли могилы и поминали бѣдныхъ мертвыхъ, имена которыхъ были неизвѣстны. (См. объ этомъ еще *Ровинскаго* V т., стр. 179.),

Болѣе древнюю редакцію „общей памяти“ мы встрѣтили въ синодикѣ епархіальной московской библ. изъ Іосифо-Волоколамск. мон. № 670. Въ этой „памяти“ упоминаются: „в пустыняхъ и в лѣсахъ заблудшіеся, в дебрехъ и в болотахъ скончавшіеся, горами загвѣтшыя и от конь разбившіеся“. Замѣчательно, что эта „общая память“ перешла въ духовные стихи (см. *Вареницовъ*, Духовные стихи, стр. 211.). Бѣлорусскій духовный стихъ „на поминъ души“ упоминаетъ: „заключенныхъ, паланенныхъ, въ вайны пасячонныхъ, грамамъ забивающихъ, маланьей палящихъ... на воды патапляющихъ... галоднай смерцай памершихъ“ и пр. Приводимъ установленіе общей памяти и самую память по упомянутому синодику типографской библиотеки. „Въ лѣто 7056 мѣсяца іюня в 21 день на память святаго мученика Іоулиана Тарсянина благовѣрный і христіюлюбивый царь і великій князь Іванъ Василиевичъ всеа рускіе земли самодержецъ. По благословенію отца своего Макарія митрополита всеа русіи оуставилъ общую память. Благовѣрнымъ княземъ і бояромъ і христіюлюбивому воинству. і священническому і иноческому чину. и всѣмъ православнымъ христіаномъ. от иноплеменихъ на бранехъ. і на всѣхъ побоищехъ избивенныхъ. і в плѣвѣ сведенныхъ і гладомъ і жаждою и моромъ и наготою и мразомъ. и всяческими нужами ізмершихъ. і во всѣхъ пожарахъ огнемъ скончавшихся і в водахъ истопшихъ. и всѣхъ православныхъ христіанъ. и повелѣлъ по нихъ митрополиту и со всѣми соборы пѣти панафиду. и обѣдню служити. в соборной церкви оупенія пресвятыя богородица. Да и по всѣмъ церквамъ на посаде велѣлъ всѣмъ священникомъ потому же пѣти понафиды. и обѣдни служити. и общую милостыню по всѣмъ церквамъ повелѣ дати. и кормъ оуставилъ в большей полатѣ. на митрополита и на всѣ соборы. И сію общую память по всѣхъ православныхъ христіанехъ велѣлъ и в прочіе лѣта поминати. до скончанія миру. на честь Богу и на славу и на похвалу своему царству. и оттолѣ повелѣ ту общую память написать в соборныя книги“.

На стр. 85, примѣч. 13. Всѣ эти народныя книги украшались обыкновенно миниатюрами. Многія изъ этихъ миниатюръ поразительно похожи на миниатюры синодиковъ. Смерть праведнаго и грѣшнаго у Низара напоминаетъ рускіе синодики и лубочныя картинки. То же замѣчается въ

изображеніяхъ мученій грѣшниковъ. О миниатюрахъ народныхъ изданій см. статью *Θ. И. Буслаева* Новые иллюстрированныя изданія. Русскій Вѣстникъ 1869 г., кн. 9.

Къ стр. 95 – 96. Сравнивая западныя повѣсти („Великаго Зеркала“) съ повѣстями синодиковъ, должно сказать еще объ отношеніи ихъ по происхожденію. Западныя повѣсти о мытарствахъ (чистилищѣ) стоятъ въ связи съ схоластической теологіей. Безчисленныя схоластическія рубрики грѣховъ вызвали подборъ легендъ на тему о наказаніяхъ за грѣхи. А наказанія эти всего поразительнѣе представлялись въ мрачныхъ и грандіозныхъ картинахъ ада и чистилища. Отсюда масса подобныхъ легендъ являлась поэмой ада, адскихъ мученій (*), какъ она и выразилась въ художественной переработкѣ Данта. Кромѣ подбора легендъ схоластическая теологія, сама по себѣ, способствовала изобрѣтательности воображенія въ изображеніяхъ различныхъ мученій грѣшниковъ, или мученій различныхъ грѣшниковъ, такъ какъ между возмездіемъ и грѣхомъ проводилась параллель. Возмездіе у схоластиковъ символически соответствуетъ самому характеру грѣха: оно исполняется тѣмъ же способомъ, какимъ совершается тотъ или другой грѣхъ. Этой стороною, впрочемъ, западныя представленія сходятся съ древнерусскими, какъ увидимъ ниже. Но въ западной католической литературѣ въ изображеніи мученій, кромѣ обычнаго назиданія, проявляется еще сатира: въ чистилищѣ и въ аду помѣщаются лица, отличавшіяся особенными пороками, или изображаются цѣлыя толпы грѣшниковъ съ пороками, господствовавшими въ извѣстную эпоху. Въ эпоху борьбы духовной власти съ свѣтской эти изображенія мученій грѣшниковъ принимаютъ политическій характеръ. Съ такимъ сатирическимъ характеромъ они являются и въ поэмѣ Данта.

Въ древнерусской литературѣ, при общности нѣкоторыхъ источниковъ съ западными сказаніями о мукахъ, на-

(*) См *Gervinus*, Geschichte der d. Dichtung., 1871 г., II т., 615 стр. и далѣе.

примѣръ, въ Хожденіи апостола Павла по мукамъ (см. *Ozanam, Dante ou la philosophie catholique au XIII siècle*; въ этомъ изслѣдованіи напечатанъ латинскій текстъ видѣнія Павла), изображенія мытарствъ преимущественно ограничиваются общими характеристиками грѣшниковъ по извѣстному слову Палладія мниха—видѣніе мукъ и по житію Василія Новаго—хожденія по мытарствамъ св. Θεодоры. Кромѣ этихъ мукъ и мытарствъ, въ которыхъ испытываются души за грѣхи, въ родѣ оклеветанія, зависти, гнѣва, пьянства, лихоимства и пр., по другимъ сказаніямъ (наприм. въ сборникахъ и въ синодикахъ часто встрѣчается „Преп. Макарія сказаніе о чстыредесятиницѣ и о отшедшихъ душахъ како отходятъ и гдѣ пребываютъ“), для разныхъ группъ грѣшниковъ назначаются опредѣленные наказанія, соотвѣтствующія грѣху, напримѣръ, воры предаются страху, чародѣи пожираются змѣями, сребролюбцы точатся червями, немилосердные цѣпенѣютъ отъ стужи во льду, пьяницы пьютъ смолу и т. п. Сказанія и мивіатюры въ синодикахъ даютъ еще нѣсколько общихъ представленій мытарствъ, въ видѣ озера огненнаго, или мрачнаго мѣста съ демонами—сфіопами, муринами, съ страшными орудіями казни, съ чудовищными звѣрями и пр. Западные повѣсти даютъ такіа же общія представленія мѣста наказаній и чистилища. Припомнимъ круги грѣховъ въ аду и въ чистилищѣ Данта, гдѣ грѣшники представляются то въ кипящей смолѣ, то во льду, то мучатся демонами и чудовищными звѣрями. Синодики и лубочныя картинки, стоящія въ связи съ синодиками, имѣютъ ближайшее отношеніе къ народнымъ сказкамъ и повѣрьямъ. Поэтому нѣтъ никакой необходимости прибѣгать въ толкованіи нѣкоторыхъ сказокъ и повѣрій къ мифологическимъ воззрѣніямъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи народныхъ разсказовъ и повѣрій.

Возьмемъ, напримѣръ, замѣчательные „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край“—*Чубинскаго*, I т. (Спб. 1872 г.) и II т. (1878 г.).—Перечитывая эти томы, мы отмѣтили слѣдующія сказки и преданія, объясненія которыхъ слѣдуетъ искать въ синодикахъ и въ народныхъ лубочныхъ изданіяхъ.

I т., стр. 148. Три святителя—Василій В., Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый во время земной жизни хо-

дли и виѣстѣ, учили народъ и молились за умершихъ (Кіевской губ.). Ср. *Ровинскаго*, Русск. нар. карт., IV т., 195 стр.; тѣ же самыя изображенія и подписи въ рукописныхъ синодикахъ XVII—XVIII вв.

I т., 148 — 149 стр. Душа прабабѣ сто лѣтъ „покутовала“ въ домѣ (на нее бросали дрова, сметали соръ) и однажды просила внучку помолиться за упокой ея (Anioł Pański); послѣ сего получила разрѣшеніе и явилась живымъ. — Чисто-католическая легенда изъ „Великаго Зерцала“.

II т., стр. 13 и д. „Малорусскія сказки—мифическія“ (?); въ сказкѣ, между прочимъ, разсказывается о двухъ человѣкахъ, одинъ изъ которыхъ лежитъ „въ лотокахъ и кричить: „ой воды, воды!“—Этого человѣка Богъ покараетъ за то, что онъ не далъ напиться подорожному человѣку. Другой человѣкъ—„біга по терну, кричить: „тісно мені, тісно!“ Къ нему просился подорожный человѣкъ перепочевать, а онъ сказалъ: „у мене тісно“. Дальше дівчата голыми погами по камень лазять.. Богъ покаравъ, що вони сміття до східъ сонця викидали“.

Все это относится къ тому параллелизму въ христіанскихъ загробныхъ мученіяхъ, по средневѣковымъ представленіямъ, о которомъ мы упоминали выше. Наконецъ слѣдующая „Бувальщина“ (II т., стр. 416—417) есть не что иное, какъ пересказъ повѣсти, находящейся въ „Великомъ Зерцалѣ“. Бувальщина разсказываетъ о дочери, которая, оплакивая свою мать, наплакала ей цѣлую могилу слезъ. Отсюда выводится повѣрье, что не слѣдуетъ плакать по мертвымъ. — А вотъ соотвѣтствующая повѣсть изъ „Великаго Зерцала“: „о еже по умершихъ не зѣло плакати“. (см. А, 84. Cantipratanus). Привожу ее по моему списку (гл. 71). Мати моя вѣкогда извѣсти мн. яко имѣя рече сына добродна и разумна. и сему умершу, над мѣру о немъ плакаше. и едва ума не изступя. и таковый плачъ ея не безъ зла умершему бысть. егда ей плачуще показася ей по прилѣжащему пути идуще два юноши, зѣло весели, огъ умершихъ и знаемыхъ ей. она же обрадовася, чая въ нихъ и своего сына. егда же сына не узрѣ, нача горько плакати. и по малѣ времени узрѣ своего сына, тихо съ великимъ трудомъ едва идуща, прискорбна и уныла суща. и познав-

ши его съ великою радостію воззва. Прелюбезный сыне, како еси. и что сіе, прискорбевъ еси и уныль и единъ грядеши. а оныхъ влєвретовъ своихъ не постигнеши; и то показуя матери на рамѣ нѣкую тяжкую одежду, яко изъ воды изъятую, и еще изъ себе воду испущающую, и велию тяготу къ шествию задающую и рече: мати моя, сія риза тягость моя, слезы твоя, ихъ же безъ мѣры непотребно изливаеши, сія бремена задерживаются и постигнути другихъ не могу. молю тя. обрати слезы твоя ко Господу, предъ нимъ изливай сердце свое, да себе избавиши и мнѣ помозиши.

Къ стр. VIII—IX, 76 и 98 (примѣч.) и 101.

Изъ того, что говорится на этихъ страницахъ объ отношеніи „Великаго Зерцала“ къ раскольниковъ литературѣ XVII—XVIII вв., можно видѣть, что „Великое Зерцало“ переписывалось раскольниками; много повѣстей изъ него вошло въ раскольниковы синодики, лицевые сборники, цѣтники. Духовный стихъ о грѣшной матери обличаетъ раскольниковъ творчество. Но говорить пока о непосредственномъ вліяніи на литературу или устную повѣствовательную словесность раскольниковъ мы не можемъ за неимѣніемъ подходящихъ матеріаловъ. Укажемъ только близкое отношеніе легендъ „Великаго Зерцала“ къ раскольниковъ литературѣ XVII в. и интересное раздвоеніе взглядовъ на духовныя легенды уже во второй половинѣ XVII-го в.

Извѣстно, что въ раскольниковъ литературѣ XVII—XVIII в. развита особенная любовь къ чудесамъ, видѣніямъ, которыя создавали раскольники подъ вліяніемъ борьбы съ „новыми“ русскими людьми и подъ вліяніемъ собственныхъ страданій. „Новые“ русскіе люди второй половины XVII в., принадлежавшіе къ придворной средѣ, интересовались болѣе переводными свѣтскими повѣстями, научными сочиненіями и театромъ и смѣялись надъ страстью раскольниковъ къ чудесному, надъ ихъ легендами. Такъ, на примѣръ, патріархъ Никонъ отзывался о чудесахъ раскольниковъ: „знаю я суетсвятотъ тѣхъ“, а Ефросина, уважаемаго раскольниками по извѣстной легендѣ, называлъ весьма неприличными словами.

Въ полемическомъ сочиненіи раскольниковъ писателя XVII-го в., Ѳеодора дьякова, встрѣчается, „видѣніе“, инте-

ресное столько же по отношенію къ духовнымъ легендамъ, сколько и по взгляду на „новыхъ“ русскихъ людей, среди которыхъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ занималъ видное мѣсто. Вотъ эта легенда (по ркп. Казан. Дух. Акад., л. 122): „я видѣлъ стражъ у фроловскихъ воротъ (въ Московскомъ Кремлѣ) во единъ отъ дней, по утрени, на воздухѣ сѣдѣша сатану на престолѣ, греческихъ патриарховъ и русскихъ властей сѣдѣвшихъ окрестъ его и Артемона (Матвѣева) голову стрѣлцаго предстояща ту и прочихъ отъ дьявольскаго чину... и воинъ той нача всѣмъ ясно сказывати и за то сосланъ въ ссылку“.

Извѣстно какими чудесами и видѣніями полна автобіографія знаменитаго расколоучителя XVII-го в. — Аввакума; въ одномъ же его сочиненіи (см. *Александра Б. Описание сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками II ч.*, 12 стр.) встрѣчается заимствованная изъ „Духовнаго Цвѣтника“ легенда, на которую Аввакумъ опирается въ своемъ ученіи, что изъ одной просфоры нельзя вынимать нѣсколькихъ частей на проскомидіи. Кромѣ того, что эта легенда интересна по параллелямъ въ „Великомъ Зерцалѣ“, она еще показываетъ съ какой точки зрѣнія смотрѣли на легенды раскольники.

„Нѣкій священникъ, егда творяше просвиромисавіи, приходяше Духъ Св. въ видѣніи орла. Священникъ же дѣйствуя взираше на него. По прилучаю же пономарь надъ просвирами прежде священника въ некарнѣ дѣйство сотвори по обычаю олтаря, и привнесе ихъ къ дѣйству священническу. Егда же священникъ нача просвиромисать, и не бысть предъ нимъ видѣніи орла. Онъ же нача плакаться которати себя, глаголя: „яко грѣха ради моего не прииде св. Духъ“. Бысть же гласъ къ нему: сего ради не прииде къ дѣйству твоему, яко закланное ми пакы и припесенное приносишь. Священникъ же вопросивъ пономаря о тайнѣ сей, онъ же исповѣдавъ подробну вся, како учинилъ, и падъ предъ священникомъ прощенія испросилъ“.

Къ стр. 102 — 108. Какъ разнообразны даже самыя близкіе варианты легендъ—видѣній смерти грѣшниковъ и праведныхъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ „Великомъ Зерцалѣ“ (польск. гл. 40) приводится примѣръ, — „Архангели Михаилъ и Гавріилъ душу страннаго съ лико-

ваніємъ на небо взяша, притворнаго же монаха діаволи во адъ низвергоша“,—несомнѣнно происшедшій изъ того же источника, что и приведенная нами повѣсть изъ Патерика скитскаго, но въ слѣдующемъ варіантѣ. „Братъ нѣкій воприси старца глаголющи: что спасаетъ имя, или дѣла; отвѣща ему старецъ глаголющи: дѣла. и приложи глаголя: вѣиъ единаго брата, иже о елико прошаше, пріимаше. Прииде же ему в помышленіе, да видить праведнаго и грѣшнаго, како всходятъ отъ тѣла. Не хоташе же Господь желанія его презрѣти и егда сѣдѣше в келліи своей, прииде к нему волкъ, и емше за ризы влечаше его на дворъ. братъ же оный идяше за нимъ. волкъ же оный, привлекиши его к нѣкоему граду, остави его ту. егда же пред градомъ в сущій монастырь вниде, въ немъ же живяше нѣкій *пустынникъ иже имѣяше имя велико*. в то же время бысть болѣнь ожидающіи копчины своя. братъ же той, иже прииде в монастырь волкомъ ведомъ. видѣ множество свѣщъ и свѣтильниковъ наготованныхъ на погребеніе того. и яко бы чрезъ того Господь хлѣбъ и воду и спасеніе жителемъ тамошнимъ даровалъ и глаголаху; яко аще сей умретъ, поне вси мы помремъ. егда же прииде время отшествія его, видѣ братъ оный, яко діаволъ вооружашеся на того, имѣюще мотыку желѣзную трегубую огнисту. и слышахъ гласъ грозный глаголющій: яко сія душа не даде ми ни единаго часа на упокоеніе, тако ты ни единаго же даждь милосердія извергающую отъ тѣла. и воткнувши діаволъ мотыку огненную ея же имѣяше. мучаше его надолзѣ времени, дондеже изверзе злѣ душу свою окаянную. По семъ той братъ прииде во градъ и обрѣте *страннаго лежаща болна на пути*, никогоже имуща пекущагося о немъ и пребысть день с нимъ. егда же прииде время, еже отити странному тому ко Господу. и увидѣ братъ оный архангеловъ Михаила и Гавріила, виходящихъ по душу того страннаго, и сѣдше единъ одесную, а другой ошуюю его, прошаху души его, да изыдетъ отъ тѣла. но сія не исхода, якобы не хоташе оставити тѣла своего. и рече Михаилу Гавріиль: возмемъ сію душу и отидемъ, отвѣща же Михаилъ, Господь повелѣлъ есть намъ, да изыдетъ душа без болѣзни тѣла и того ради насильствіемъ не можемъ взяти. и возопи Михаилъ гласомъ велимъ глаголюще: Господи что повелиши соговорити о сей

души. не хощеть бо насъ слушати да от тѣла изыдетъ; и приде гласъ: се посылаю Давида з гусльми и вся лики мусикійскія. да услышавше сицевое пѣніе с радостию изыдетъ. егда же всѣ обступивша окрестъ оную душу поюще дохматы (Te Deum laudamus). Тогда сія душа изшедши от тѣла и сѣде на руку архангела Михаила и пріята есть с велимъ веселіемъ и радостію“. (Мой списокъ, гл. 259). Сравнивая легенду „Великаго Зерцала“ съ повѣстью изъ Патерика скитскаго, мы видимъ, прежде всего, измѣненіе лицъ и обстоятельствъ въ разсказѣ: „волкъ“, и „волъ“, „пустынникъ великій“ и „царевъ совѣтникъ“, „ницій“ и „странникъ“. Какъ примѣръ подобнаго же измѣненія, можно указать на 397 гл. (польск.) „Великаго Зерцала“: „Безсловесный звѣрь благодарствіе веліе показуетъ“. Въ этомъ примѣрѣ, заимствованномъ изъ „Церковной исторіи“ Руффа, разсказывается, какъ *св. Макарію львица* принесла своихъ слѣпыхъ „скимновъ“, между тѣмъ въ славянскомъ Лавсанкѣ Палладія то же самое разсказывается о *Маркѣ* и *цѣлѣ*. Наоборотъ, въ примѣрѣ 307 „Великаго Зерцала“, заимствованномъ изъ Лавсанка Палладія, имя старца, видѣвшаго бѣса въ „Слояхъ“, — Макарій, а въ Прологѣ — Марко (видѣ бѣса въ тѣлахъ) (см. 10-го февраля—Слово).

Къ стр. 102 — 103. Въ „Воспоминаніяхъ“ Анненкова (1849 — 1868 г.), т. I, стр. 71 — 73, напечатана „притча“, которую разсказалъ автору ямщикъ въ дорогѣ. Простая повѣсть его (ямщика) разсказа, — замѣчаетъ Анненковъ, — сильно подѣйствовала на меня. Я погрузился въ раздумье объ ея происхожденіи, а ямщикъ, какъ бы въ отвѣтъ на это, прибавилъ: „притча вѣрная — такъ у нашего попа на картинкѣ написана“. Если мы справимся въ изданіи „Русскихъ народныхъ картинокъ“ Ровинскаго, то найдемъ, что „картинка“ эта, соответствующая „притчѣ“ ямщика, будетъ „Повѣсть Иакова (Jacobus de Voragine Legenda Aurea) о вѣкомъ дворянинѣ (благороднемъ)“ (III т., 66—68 стр.), попавшая на картинку изъ „Великаго Зерцала“ во второй половинѣ XVIII в. (см. 25 гл. А. — „О воинѣ непостояннаго житія и о неизрѣченной благодати Пр. Богородицы“, или польск. 27 гл. — „Пр. Богородица воина,

иже на всякъ день глаголаше радуѣся благодатная, отъ слуги діавола 14 лѣтъ стрѣжашеся“). Эта же легенда, по замѣчанію Ровинскаго, приводится въ сборникѣ „Руко Орошенное“ св. Дмитрія Ростовскаго (IV т., 535 стр.).

И такъ, происхождение русской народной „притчи“ объясняется лубочной картинкой, заимствовавшей „притчу“ изъ „Великаго Зеркала“, а этотъ сборникъ, въ свою очередь, заимствовалъ ее изъ „Золотой легенды“ Якова де-Ворагине. Мы можемъ указать еще, что эта же „притча“ встрѣчается въ числѣ древнихъ нѣмецкихъ легендъ (см. *Von der Hagen, Gesammtabenteuer*, 3-й томъ, LXXVIII, *Maria und die Hausfrau*).

Мы считаемъ необходимымъ привести нѣкоторые изъ этихъ пересказовъ легенды-притчи, такъ какъ въ нихъ, при общемъ содержаніи (фабулѣ), встрѣчаются значительныя различія въ подробностяхъ.

Лубочная картинка (Ровинскаго III т., 66 — 68) отличается отъ „Великаго Зеркала“ въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Привожу текстъ „Великаго Зеркала“ по моему списку, гл. 23.

«Вонъ нѣкій, честна рода, и богатства много имѣ, посемъ неразумно живя, и богатство свое все в пустошъ истоши, и до толкаго убожества приде, иже изыкль бѣ много дати, и транезы много творити другомъ, нача самъ нужныхъ проситель быти. Имѣ же той жену благочестиву, вѣру и любовь велию имущи ко пресвѣтѣй Богородице. Приближеся нѣкое славное торжество, той же прежде суетнаго ради превозношенія, обаче разпосылати и к себѣ созывать, в толикій праздникъ не имѣ и самъ что вкусити. И великаго ради срама, нача челоуѣковъ бѣгати, и приходя на особое мѣсто, от челоуѣкъ оплакуея случай и нищету свою. и егда ему тамо сѣдѣшу, слышитъ нѣкоего коня ржуща, и челоуѣка страшнаго взора на немъ їдуща, и приближися к нему, начатъ вопрошати вниш: чего ради во ономъ мѣсте ему сѣдѣшу, и что случися ему; и вонъ все о себѣ исповѣда. и прѣхавый рече: еще хочещи мя в нѣкоемъ маломъ словѣ послушати, паче нежели прежде былъ еси славна и богата сотворю тя. И той сластолюбивый и лакомый мужъ возрадоса рече: во всемъ тебѣ усердно послушаю, точію да буду, якоже и прежде. Прѣхавый рече: толко то сотвори, сего и сего дня па то мѣсто изведи мнѣ жену свою. И отѣха той злыи їздець. а онъ прѣйха на оно мѣсто їдѣже ему назнаменована, обрѣте многое сокровище злата и сребра, и каменія драгаго, и поимъ все в домъ свой, и нача поставляти свѣтлыя полаты и купити села и рабы и прочая и нача жити лакомый животъ суетлавный. Посемъ приде наредованныи донъ

еще князю тмы на назначенное мѣсто жену извѣсти. повелѣтъ приуготовити два коня. и рече жентѣ: всади и грядеми в малѣ вѣѣ града. жена же бывши во страхѣ и трепетѣ, обаче не смѣя сопротивитися воесняной и самодержавной всѣхъ помощницѣ владычицѣ Богородице, вѣрно себе предавъ, поѣде за мужемъ. и ѣхавшимъ имъ при пути онѣмъ храмъ Богородицы Маріи прилучися и умоли мужа она жена в храмѣ томъ молитися, и слѣзши о коня, вниде со многимъ сокрушеніемъ и умиленіемъ сердца припаде ко образу Богородице, поручая всю себе и благодати ея предавая и тако ей молящейся прииде в забвеніе и усле предъ иконою, Божія матере. удивительное чудо! во вѣпостаси онныя жены Милосердая Царица и Мати кнзиде в вѣдѣ на конь, яко та сущая, поѣде за онимъ мужемъ и егда в нареченное мѣсто придоша. И се князь тмы с великимъ подкомъ и многою радостію спѣшно грядуще. и егда уже близъ бысть, ста и опресе. и нача трепетати и дрожати и трясѣмъ весь с мѣста не доступи и возоши ко оному воину: тако ли мнѣ воздалъ еси воѣхъ злымъ злѣйше, за мое къ тебѣ добро, како мя ободстѣлъ еси. вмѣсто жены твоея привелъ еси губительницу мою, Господыню Матерь Марію: азъ хотѣлъ жену твою мучити, яко много мнѣ зла сотвори. ты же сію за собою приведе, да мя мучитъ.

Слышавъ сіе мужъ оный весь оцепенѣтъ страхомъ сокрушенъ невозможе и языкъ обратити. Преславная же всѣхъ скорая Помощница Богородица, незанно явившия в саоей чистотѣ, рече: ты злѣю вселукавый и всескверный и нечистый, вепочивая рабомъ моимъ, и рабынимъ мнѣю зѣло приносиши, и сей моею вѣрвой служебницѣ како смѣлъ дѣлати такое зло сотворити; злый же духъ покушался сімо и овамо нача метатися, хотя бѣжати. и рече небесная царица и наша помощница: не покушайся, мѣсть ты от мене мѣста нѣдѣже крытися. и се даю ти отвѣтъ и рече: возмите и связавше ему руцѣ и нозѣ, верзите во тму кромѣшнюю. да к тому служащимъ мнѣ не пакоститъ. и абіе злый духъ горко возревѣвъ и въ неявленіи бысть. воинъ же видѣвъ сія напраснымъ сверженіемъ свергшеся с коня, и премилостивая Царица стоявъ низложи себе весь трепеща и на полы умирая, ничтоже глагола, точію вопіюще, помазуй мя. сего же царица и милосердая помощница премного обличая уча и пенеша. наказавъ же довольно, дарова прощеніе: повелѣтъ ему и церкви возвратитися и жену свою сплещу возбудивъ пріяти цѣломудренно, якоже в таинствѣ брака уча жити, и от діавола богатство данное разрешити. Тогда той во страхѣ возвратися к церкви, и обрѣте жену свою сплещу, возбудивъ же ю, все еже бысть ему извѣсти ей. и благодарствуя пречистую Богородицу и похваляя жену свою и придоша в домъ свой радующеся. и якоже повелѣтъ помощница Богородица. от діавола надобытое имѣніе все немедленно разстрошити и разверже и ничтоже остави, потоу помощію воесилгнця Троицы паки обогатѣ и добръ и благочестиво, якоже достоитъ христіаномъ поживе.

Нѣмецкая легенда, напечатанная у Von der Hagen'a, представляет слѣдующее отличіе въ началѣ разсказа: „Die heilige Jungfrau ist so übergut, dass sie selbst um denjenigen, den sie lieb hat, einem andern hilft. Ein Ritter, hochgemuth, kühn und milde, versäumte kein Turnei, und ward von Allen gepriesen; denn er gab den Spielleuten so reichlich, dass sie überall sein Lob laut verkündigten. So verthat er aber endlich all sein Gut, dass er in tiefe Armuth gerieth, und schweres Herzeleid hatte. Da fügte es sich noch, dass ein Gastmal an ihn kam, und die bisher freigebig von ihm bewirteten Gäste sich, wie gewöhnlich, einfanden. Er hatte und wusste nicht, was er ihnen bieten sollte, und entfloх in einen dichten Wald. Er hatte ein schönes, tugendreiches Weib, die ungern seine Verschwendung sah, lieber den Gottes Armen gab, und Marien herzlich diente. Der Teufel neidete ihr deshalb, und als ihr Mann so in der Wildnis umherlief, erschien er ihm, als Mensch, jedoch schwarz und auf einem schwarzen ungestalten Pferde. Der Ritter erschrak, aber auf Befragen klagte er sein Leid. Der Teufel verhieß noch glänzendere Herstellung, wenn ihm dafür ein nur geringes Ding geleistet würde“. Дальше идетъ тотъ же разсказъ, что и въ „Великомъ Зерцалѣ“.

У Анненкова легенда является въ своеобразномъ народномъ пересказѣ: съ лубочной картинки взята только фабула разсказа. Дѣйствующія лица, мужъ и жена, получили сильную бытовую окраску: мужъ — деревенскій парень, Иванъ Животовъ хочетъ „разбогатѣть съ размаху“ и „спознается съ нечистымъ“, а разбогатѣвъ, начинаетъ пить да опохмѣляться; жена-красавица писаная, сирота, выдана за Животова мачихой, — „храмы и вищихъ надѣляетъ“; „горькое житіе ея приводитъ въ небо“, и въ концѣ разсказа она не остается жить съ мужемъ, какъ въ западномъ прототипѣ, а „сердечная опустила голову на грудь (подъ краснымъ деревцомъ, которое качается такъ, какъ будто пѣсню поетъ) и Богу душу въ молитвѣ отдала“.

Нечистый — страшный всадникъ западныхъ разсказовъ, не имѣетъ въ русской „притчѣ“ образа: онъ „лукавый притворяется добрымъ“, а затѣмъ „вечеркомъ шастъ (къ Животову, сидѣвшему у себя передъ воротами) и подсаживается на скамеечку“; въ концѣ разсказа нечистый „завылъ

благимъ матомъ, скорчился весь какъ рыба на сковородѣ, лицо закрылъ руками, на землю палъ, сгибъ и исчезъ“.

Въ русской „притчѣ“ опущено непонятное западное Ave Maria, которое произносила постоянно жена, и эта существенная черта западной легенды о св. Дѣвѣ Маріи, служение ей, спасающее людей отъ власти діавола, стремящагося погубить ихъ, замѣнена своеобразнымъ народнымъ представленіемъ. Жена „день-деньской на молитвѣ стоитъ“, когда она съ мужемъ идетъ въ мѣсто, назначенное нечистымъ, то „въ дремучемъ лѣсу, на самой опушкѣ его, они встрѣчаютъ часовенку, пенекъ, а на пенекѣ образъ Божьей Матери подъ крышечкой. Тутъ жена остановилась и проситъ мужа: „позволь минуточку передъ образомъ помолиться“. Это мѣсто служитъ другимъ объясненіемъ того, что у насъ сказано о культурныхъ особенностяхъ русскаго перевода „Великаго Зеркала“ (стр. 78 прибавка къ слову распятіе—„образъ“).

Главная мысль народной „притчи“ хорошо выражается въ словахъ: „однихъ горе на злое наводитъ, а другихъ то же горе въ небо приводитъ“. Такимъ образомъ, русскій народный пересказъ легенды примкнулъ къ излюбленной темѣ о „горѣ-гореваньицѣ или злосчастьи“, повторяющейся въ пѣсняхъ и въ извѣстной „Повѣсти о Горѣ-Злосчастьи“. Горе въ легендѣ, какъ и въ повѣсти, связано съ нечистымъ. Существенная часть содержанія народной притчи посвящена описанію жизни въ двухъ разныхъ направленіяхъ, подъ вліяніемъ „гора“. Животовъ спознается съ нечистымъ, дѣлается купцомъ первостатейнымъ, „ночи у него вѣтъ, — все огни горятъ, да гости пируютъ“, „пьетъ, да опохмѣляется (какъ бы намекъ на „пьянственнаго демона“, какой встрѣчается и въ повѣсти о Горѣ-Злосчастьи), а жена „только тѣмъ отъ бѣдной братіи и отличается, что добро у нея изъ рукъ рутѣмъ течетъ“. Этимъ содержаніемъ народный пересказъ сближается съ излюбленной темой легендъ и духовныхъ стиховъ о бѣдныхъ и богатыхъ.

Я остановился на этой „притчѣ“, имѣющей ближайшее отношеніе къ „Великому Зеркалу“, особенно потому, что она представляетъ замѣчательный примѣръ переработки, не только въ подробностяхъ, но и въ направленіи, лубочной картинкѣ, передающей темъ „Великаго Зеркала“ съ незначительными измѣненіями.

Краткі пересказъ повѣстей „Великаго Зеркала“, интересные для сравнительнаго изученія, но не вошедшихъ въ изслѣдованіе.

См. по Приложенію № 2.

48 гл.—Одна изъ легендъ о пустынникѣ и ангелѣ: какъ ангелъ, странствуя съ пустынникомъ, открываетъ ему дѣйствительное, а не кажущееся по виду, значеніе людскихъ поступковъ. См. *Gesta Romanorum*, по изд. Oesterley'я гл. 80 и 165; *Миненъ Макарія и Прологъ 21 ноября*. Въ примѣрѣ „Великаго Зеркала“ ангелъ объясняетъ пустыннику, что проѣхавшій мимо нихъ благообразный юноша на прекрасномъ конѣ хуже видѣннаго раньше пса (стервъ смердящій), потому что юноша, блудникъ и гордый, смердитъ передъ Богомъ и ангелами, а песь — только передъ людьми.

107 гл.—См. подобный болгарскій разсказъ у *Каравелова*, *Памятники народнаго быта Болгаръ*, 1861 г., стр. 171, примѣч. 43. У Болгаръ разсказъ относится къ турецкимъ жидамъ и къ происхожденію у нихъ на головѣ сыпи, а въ „Великомъ Зеркалѣ“—, въ *Баноніи градѣ*“ ожившимъ пѣтухомъ были обрызганы лица хуляниковъ св. Петра.

168 гл.—Напоминаетъ известную скабрзную новеллу Боккаччо, какъ монахъ обѣщалъ превратить жену бѣднаго ремесленника въ кобылу.

362 гл.—См. у *Росинскаго*, *Русск. нар. Картины*, т. IV, стр. 527, 705 прим.

484 гл.—Параллель къ „чуду о змѣѣ и дѣвицѣ“. См. о „чудѣ“ у *А. Карпачникова*, *Св. Георгій и Егорій* (Крестный, стр., 50 и далѣе.

486 гл.—Параллели къ известнымъ чудесамъ, часто встречающимся у раскольниковъ писателей XVII-го вѣка: Аввакума дьякона *Феодора* и др.

742 гл.—Приводимъ интересную легенду „Великаго Зеркала“, соответствующую известной балладѣ Шиллера: „Ивиковы журавли“. Христіанинъ встрѣтилъ на пути жидовина и хотѣлъ убить его. Жидовинъ сталъ умолять христіанина не убивать его и призывалъ въ свидѣтели птицъ, но христіанинъ не послушалъ жидовина и убилъ его. Однажды, когда христіанинъ стоялъ у вертеловъ, на которыхъ жарились птицы, вдругъ птицы начали пѣть. Убийца смутился и долженъ былъ признаться, за что его и повѣсили жарившіе птицъ.

837 гл.—Параллель къ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ.

865 гл.—Ср. соответствующія легенды объ Іоаннѣ архіепископѣ Новгородскомъ (*Росинскій*, Русск. нар. карт., V т., 206 стр.) и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“—о князѣ Всеславѣ (изд. *Тихомирова* 1866 г., стр. 10).

1172 гл.—Ср. мученія въ аду Данта.

См. по оглавленію части А.

46 гл.—Въ этой легендѣ „о крѣлѣ Норвегій Тіохѣ“ слиты двѣ легенды: 1) о Канутѣ и 2) о возвращающемся императорѣ (см. *А. Н. Веселовскаго*, Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды. I. Откровенія Меѳодія и пр., Журн. Мин. Нар. Пр., часть CLXXVIII, отд. 2). Вотъ соответствующая часть этой второй легенды: „И по сѣмъ крѣль той никако никогда же вѣнца на главу возлагая, но снемъ со главы своея, на образъ избавителя на крестѣ суща положи, во славу вѣчнаго и крѣпкаго царствія его“.

50 гл.—Интересная легенда съ загадками. Благочестиваго епископа рѣшилъ смутить дьяволъ и явился епископу въ образѣ прекрасной дѣвицы. Когда епископъ воспылалъ страстью къ дѣвицѣ и близокъ былъ къ паденію, постучался странникъ у во-

ротъ, требуя доступа къ епископу. Дѣвица стала отговаривать епископа принять странника и черезъ посланнаго предложила страннику *три* загадки (гадательства): 1) въ чемъ есть вѣщее удивленіе, иже въ малѣй вещи сотвори Господь? 2) гдѣ есть земля выше неба? 3) koliko имать разстояніе небо отъ земли, koliko локоть, koliko срокъ? Странникъ отгадалъ загадки: 1) различіе лицъ, 2) тамо земля выше неба, идѣже сѣдитъ тѣло Господа Іисуса, 3) дьяволъ промѣрялъ тотъ путь, егда со оцемъ своимъ Лицыперомъ съ небесе сверженъ до ада. Въ заключеніе странникъ объяснилъ, что дѣвица и есть дьяволъ; послѣ чего и дьяволъ и странникъ исчезли, а епископъ прославилъ Бога за свое спасеніе (см. Пыпина, Очеркъ, стр. 137—144; загадки).

52 гл.—Параллели къ повѣсти о Саввиѣ Грудцынѣ и къ народнымъ сказкамъ о службѣ чертей у людей.

76 гл.—См. *Ровинскій*, Русс. нар. кар. IV., 588 стр.

83 гл.—Князю Евсеію чудеснымъ образомъ помогаютъ въ битвѣ бѣлоснѣжные воины съ бѣлыми хоругвями. Ср. Освобожденный Іерусалимъ Тасса.

190 гл.—Эта легенда напечатана въ Памятникахъ старинной Русской Литературы, т. I.

192 и 193 гл.—См. Литературный сборникъ „Волжскаго Вѣстника“, т. I, стр. 27—28; статья *П. В. Знаменскаго*: „На пчельникѣ, очеркъ изъ народныхъ повѣрій“. Здѣсь пересказана легенда (192 гл.) изъ „Великаго Зеркала“.

210 гл.—Параллели къ разсказамъ, послужившимъ источниками для „Короля Лира“ Шекспира и къ разсказамъ о ларцахъ (см. *А. Н. Веселовскаго* „Соломонъ и Китоврасъ“, стр. 60 и далѣе).

257 гл.—Параллель къ русской побывальщинѣ о превращеніи богатырей въ камни. Страшно влявшіеся, по легендѣ, войны бѣжали отъ римскаго воинства въ горы и обратились въ камни.

261 гл.—Развитіе темы о Прекрасномъ Іосифѣ и женѣ Пентефрія, о Веніаминѣ и чашѣ, вложенной въ его мѣхъ. Дѣйствіе легенды „Великаго Зеркала“ происходитъ въ Испаніи.

Тексты (стихи) изъ св. Писанія, входящіе въ „Великое Зерцало“.

Въ характеристикѣ списковъ перваго типа и части В. (см II гл. нашего изслѣдованія, стр. 40 и далѣе) опущена характерная черта этихъ списковъ, которой нѣтъ въ части А,—тексты (стихи) св. Писанія, которыми начинаются нѣкоторыя рубрики („вещи“—*loci communes*), передъ повѣстями. Эти тексты принадлежатъ и польскому оригиналу; большею частію они не отмѣчены въ польскомъ счисленіи главъ, что можно видѣть и въ нашемъ Приложеніи № 2. (См напр. послѣ 796 главы, послѣ 1538 и 1556). Мы приведемъ здѣсь болѣе интересные тексты, изъ которыхъ нѣкоторые не относятся къ св. Писанію, а заимствованы изъ какихъ-то апокрифическихъ сочиненій. Эти тексты, вѣроятно, назначались для проповѣдниковъ.

522 гл.—(по моему списку), *Грѣхи повседневныя*: Моисей у воды противленія в пустыни нѣчто усумнявша, токмо повседневнымъ грѣхомъ согрѣши. О семъ же многихъ есть богословцовъ разсужденіе, яко того ради не вниде Моисей въ землю обѣтованную, но еще и смертію наказанъ бысть. Пророкъ, посланный ко Іеровоаму, ядуще на пути, другимъ будуще прелщень, легкій токмо грѣхъ исполни. Того ради по трапезѣ от лва смерти преданъ бысть.

577 гл. (по моему списку и 793 по польскому) *Милосердіе Божіе*.

Коя милосердіе Божіе избави отъ потопа; кто Лота праведнаго изъ Содомы и отъ пламени огненнаго избави;

только милосердіе Божіе. Людей израильскихъ отъ работы египецкія изведе милосердіе Божіе, и пр.

673 л. (по моему сп.; польск. послъ 1538 л.).

О гордостѣ. Приводятся тексты о Евѣ, столпотвореніи, Давидѣ, Валтасарѣ и, между прочимъ, слѣдующій апокрифическій рассказъ: „Во единъ отъ двѣхъ Іродъ Агриппа во одежди царстѣй на престолѣ царстѣмъ сѣдѣше. слово имѣя къ народу. народъ же лукавнующе глаголаше: Божій гласъ а не человѣческій. и абіе удари его ангелъ Господень. того ради яко не для чести Божія и славы того сіе сотвори. за се же тѣло его черви изъядоша и отъ расточенія ихъ злѣ душу свою изверже“.

677 л. (по моему списку, польск. послъ 1556).

Чуждее взятіе. Нѣкая жена, именемъ Товія, взявши возла за труды тканія платна и принесе в домъ свой. его же гласъ услыша блекочущъ и позна, яко отъ татбы есть. и рече: возврати его господиву его, ибо не достоитъ намъ ясти отъ татбы, или прикоснутися.

Закхай Господу нашему Іисусу (второе и стерто) Христу возлюбися. зане отъ злаго стяжанія [имѣніе сторицею] кого избидѣ, возврати съ радостію. •

